

Степь - дело
тонкое

18+

Анна Елизарова

Степь - дело тонкое

<https://litres.ru/74636834>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя мать оставила мне в наследство свою великую мечту: объединить Великую степь в единую страну. Я верю, что мне удастся это сделать, только если смогу найти людей, которые в это поверят так же как верила в это она. Я должна всего-то доказать миру, что главное богатство моей родины - её люди, что может быть проще?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	73
Глава 6	89
Глава 7	96
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Анна Елизарова

Степь - дело тонкое

Пролог

- Мы где? - Растерянно спросила девочка лет десяти.

- В больнице. - Ответила малышке я.

Она парила в воздухе рядом. Еще секунду назад казалось, что мои мысли вязнут, как в болоте.

- Я же говорила, что не хочу покидать тело! - Разозлилась девочка.

Слушать взрослую ругань от такой малышки странно.

- Что происходит? - Она явно знает больше меня.

- Мы умираем. В наших мирах, - неожиданно успокоившись, пояснила девочка, - и, судя по всему, обе отказались меняться местами. Обычно самую жизнеспособную душу отправляют в самое жизнеспособное тело, но мы обе хотели остаться при своем, и...

- Подожди, откуда ты знаешь? И в смысле - мирами?

- Ты не попала в темноту?

- Попала, но не имела ни малейшего понятия о том, что это...

- Я тоже, но мы долго общались, - пожала плечами девочка.

- А теперь что?

- Твое тело наименее жизнеспособно. Значит, я должна была умереть в нем, а ты продолжать жить в моем, - пробурчала девочка, - вода-вода, смой весь вред без следа. - Совсем тихо прошептала она.

Забытая Пашкой бутылка воды тут же опрокинулась, через мгновение крышка слетела, а вода попала в моей рот. Я почувствовала, что сердце забилось чаще, и ему вторил писк аппаратов. Других изменений не было

- Визовство работает, хотя слабее, чем ожидалось. Может, воды мало? - она задумчиво огляделась. - Тебя как зовут?

- Ляйсан, - я внимательно оглядела подругу по несчастью, - а что...

- Я - Мираса, - деловито представилась она. - Что случилось с телом?

- В шахту лифта упала, - призналась я, стараясь не упустить мысль, прерванную девочкой. - А с твоим?

- От чего я умираю, никто не знает. Но я в сознании. Сплю. Значит, в мое тело можно попасть.

- Это тебе тоже темнота сказала?

- Ага, - Мираса задумалась, - кажется, раз никто из нас не хочет перерождаться, с телами придется разбираться самим. Твое я могу вылечить - меня мама многому успела научить. А ты не лекарь? - в ее голосе зазвучала надежда.

- Я повар, - разочарование отчетливо проступило на милом лице, а я пыталась не свалиться в истерику, малодушно

цепляясь за мысль о предсмертных галлюцинациях. - А что с твоим телом?

- Никто не знает, - повторила она, а затем пролетела круг по палате, оглядывая приборы и мебель, - в моем мире иногда умирают без причины, особенно жены вождей.

- Мираса, так не бывает, - возразила уверенно я.

- Ну, если такая жена богам неужодна, ее заберут, - равнодушно прокомментировала она и снова задумалась. - Как бы нам туда попасть?

- Ты слишком взрослая, - я искренне расстроилась. У детей должно быть детство, а не мысли о богах и женах!

- Мне тринадцать, я уже жена, - пожала плечами она, - дочь степного вождя, к тому же.

Дверь открылась, и вошла Алина - моя старшая дочь.

- Мам, - она нерешительно замерла на пороге.

- Милая моя, - сердце застучало еще быстрее, аппараты запикали чаще.

Алина подскочила к койке и судорожно сжала безвольную руку. Хотелось плакать, но тело ничего не чувствовало, остались только эмоции. Я как никогда сильно хотела, чтобы хоть палец на моей руке шевельнулся. Моя Алина, мое сокровище, плакала, пытаясь не шуметь, но крупно содрогалась всем телом, глядя на покалеченную мать. Почему я отказалась уходить?! Почему тьма вообще меня послушала?! Лучше бы они не мучались, беспомощно глядя на медленную смерть от травмы мозга или, прости господи, гепатита!

- Я помогу, - тихо, но решительно проговорила Мираса, - слышишь, Ляйсан? Ты к ним вернешься.

- Ты ребенок! - горько констатировала я. - Ты вообще не должна быть такой серьезной! Тринадцать - это возраст познания себя, а не принятия важных решений!

- Выпади из истерики, а? - поморщилась девочка. - Там, откуда я родом, многое иначе. Я уже год как жена, а когда мне разрешат выйти из дома, вполне вероятно, сразу же понесу.

- В смысле, выйти из дома? - упаднические мысли тут же исчезли.

- Что непонятно? Меня выдали замуж, передали из моего племени в племя мужа, и теперь до возраста первой зрелости я буду находиться в доме жены племени, - она резко погрузнела, - ну, то есть, уже не буду.

- Ты год не выходила из дома? Хоть в окно высунуться можно?

- В дом не должен проникать солнечный свет. Считается, что пока меня не видят смертные, боги передают мою душу племени мужа.

Хотелось сказать, что это глупость, но язык не поворачивался. Она выросла в этих понятиях, нельзя унижать ее веру.

- Да глупость-глупость. Была бы жива мама, никогда бы не допустила такого, - фыркнула девушка. - Надо попасть к моему телу. Оно слабеет, и я вместе с ним: если умрет тело, я тоже.

- А как ты к моему попала? - я изо всех сил старалась от-
вернуться от дочери и сосредоточиться на проблемах Мира-
сы.

Понимала, что если буду думать об Алине, Алле и Пал
Палыче, о муже, «вернусь в истерику» и уже из нее не вы-
берусь. Маленькая дочь вождя обещала помочь вернуться к
семье. Конечно, оснований верить ей у меня нет, как и осно-
ваний не верить. Я выбрала второе.

- Не знаю точно. Размышляла о том, как сложится твоя
жизнь, если ты меня заменишь. Пыталась тебя предста-
вить...

Она исчезла. Видимо, представила себя. Я повторила за
девочкой, миг - и я уже в темном помещении.

Глава 1

Круглый глиняный домик, всего метра два высотой с крышей-куполом и земляным полом. Окна в домике забраны тугими ставнями. На низком топчане лежала Мираса, она выглядела еще младше призрачной копии. Призрак девочки летал вокруг тела.

Кроме топчана в домике был грязный линялый ковер, низкий столик, пара комковатых подушек и ширма, за которой пряталось ведро понятного назначения.

Грязные тряпки, заменявшие ребенку одеяло, пестрели разводами от сырости.

- Ты можешь вернуться в тело? - спросила я, пытаюсь отвлечься от запаха. Я его не чувствовала из-за отсутствия носа, но его просто не могло не быть.

- Не знаю, - честно призналась девочка. Как и я недавно, она пыталась «лечь» в свое тело.

В отличие от меня, у нее получилось. С трудом открыла тяжелые веки и выдохнула. Вместе со сдавленным выдохом изо рта вырвались кровавые капли.

- Мираса, ты меня слышишь? - тихо спросила я, наблюдая за тем, как она пытается поднять руку.

- Слышу, - прохрипела она.

Я подлетела ближе, уже догадываясь, уже видела такое. Когда я была беременна Пал Палычем, у Аллы случился диа-

тез с сыпью. Мой залитый гормонами мозг почему-то решил, что врачи - дураки, а я - умная. На восьмом месяце беременности я излазила гору сайтов с самыми разными детскими и не детскими болезнями. Паша увез Аллу к его маме, чтобы я не донимала ребенка бесконечными осмотрами и сравнениями сыпи с фотками. И вот из всех отсмотренных заболеваний разной степени фатальности я определила у шестилетней бодрой Аллы, которая как раз пробовала силы в сплавах на каяке, цингу. Жуткая кровавая сыпь, кровоточивость десен, проблемы с развитием костей и сложности с обменом веществ.

- Чем тебя кормят, Мираса?

- Кашей, как положено, - прошелестела она.

- Кем положено? - буркнула я. - Тебе нужен шиповник.

Много. И ванна. И разнообразное питание.

- Зачем это? - неожиданно бодро спросила она.

- Твоему телу не хватает компонентов для нормальной работы, причем очень давно. Кровавые пятна под кожей, кровь во рту, слабость, которую ты чувствуешь - все результат однообразного питания и сидения в темноте.

Моя старшая дочь родилась, когда специалисты по грудному вскармливанию уже были, но для молодой матери обращаться к ним считалось позором (хорошо, что муж настоял на своем, и мы все же обратились к врачу); младшая дочь росла во время, когда было модно кормить детей всем, что им вкусно, и не пичкать тем, что полезно (хорошо, что я обо-

жая готовить и не даже самое непопулярное у детей ухитрялась делать так, чтобы им было вкусно), сын же родился во время моды на спорт, когда общество решило, что уже научилось питаться. И мне с этим опытом дико запирать ребенка (даже если по местным меркам она уже взрослая) на несколько лет в комнату без света и кормить одной и той же кашей, особенно если ей вскоре предстоит стать матерью.

- Вылечим тебя, и ты мне расскажешь, как твой народ дошел до жизни такой.

Мираса дернула веревку. Подождать пришлось минут десять. В комнату вошла старуха с подносом, на котором растекалась неаппетитная жижа, которую здесь называли кашей.

- Мне явился Аква, - слабо прохрипела Мираса. - Нас спасет шиповник.

Что ответила женщина, я не поняла: какую-то белиберду с множеством свистящих звуков.

- Чего? - переспросила я риторически.

- Смеешь со мной спорить? - прошипела девочка. - Я сказала, принеси шиповник и воды.

- И свежий, и сушеный, - подсказала я, но эту часть не передали.

Женщина поджала губы и ушла.

- У нас не сушат шиповник, - прошептала тихо Мираса, когда дверь закрылась.

- Сушеный лучше подходит. Мы где вообще?

- В Великой степи, - она едва пожала плечами, и от рав-

нодушая этого жеста защемило в сердце.

- А я могу от тебя отходить? - в ответ такое же движение плечами.

Попробовала пройти сквозь стену - не вышло. Вспомнила, что в больнице вылетела в коридор через открытую дверь, так что исследование наших возможностей стоит отложить до лучших времен.

- Почему вода меня не исцелила? - шепотом спросила девочка.

- А ты много пьешь? - постаралась улыбнуться я.

- Нет, с тех пор, как оказалась замужем, вообще воды почти не вижу.

Тихий разговор прервала впечатавшаяся в глиняную стену дверь. «Наверняка в стене остался след», - меланхолично подумалось мне.

Влетел здоровенный мужчина с коротко стриженными темными волосами и что-то сердито засвистел.

- Я - твоя жена, - с отсутствующим видом ответила Мираса. - Хочешь похоронить под этим полом седьмое тело? - в ответ я слышу все тот же непонятный свист. - Значит дай мне воды, шиповник...

- И куриный бульон, и хлеба, - быстро сориентировалась я.

- И птичий бульон с хлебом, - послушно повторила Мира.

Она произнесла еще несколько злых слов и подвела итог тираде:

- Продолжай слушать заветы предков и останешься без по-

томков, - равнодушно проговорила Мираса и прикрыла глаза.

Мужчина постоял над ней еще некоторое время и вышел, громко сопя. Кажется, девочка задремала, будить ее не хотелось, но и не пришлось. Душа материализовалась рядом.

- Тело выматывает очень быстро, - пожаловалась она без единой капли хрипотцы, - уверена, что шиповник поможет?

- Нет, но надеюсь, - я постаралась придать виду уверенности.

Два года существования духами тянулись бесконечно долго.

Пусть Мирасу стали нормально кормить, из дома ее так и не выпустили - традиции, чтоб их. Зато мы могли беспрепятственно перемещаться по поселению, главное, чтобы кто-то выпустил нас из дома. Сам дом, как оказалось, был в форме запятой: входная дверь скрывалась в небольшом коридорчике, призванном изолировать дом от солнечного света.

Еще мы выяснили, что не понимаем языков друг друга. Между собой общаться можем, но я слышу речь соотечественников Мирасы как множество свистящих звуков, а Мираса моих - как отрывистые рычащие. Читать тоже не можем: буквы - малопонятные каракули.

Мое тело в реанимации. Мы с Мирой каждую ночь возвращались на Землю. Она находила немного воды и направляла ее на лечение. За два года состояние из стабильно тяже-

лого стало просто стабильным. На лечение моего мозга такого скромного количества воды и навыка Миры не хватало, по ее же признанию и все двигалось очень медленно.

Мира рассказала, что ее мать умерла несколько лет назад, и девочке не оставалось ничего, кроме как прибиться к племени. Ее замужество считалось крайне удачным и обеспечивалось наследием ее деда, который успешно торговал с человеческим королевством по обе стороны степи экзотическими товарами.

Ее матери повезло попасть в учение к визу с четырьмя стихиями, и она тоже сумела добиться отклика всех четырех. Потом дед сгинул в экспедиции, бабка не смогла подхватить его дело и пришла в то племя, которое вырастило Миру до ее замужества.

Поскольку мы не покидали домика, ее рассказы казались больше вымышленными. Только то, что она преспокойно пользовалась наукой матери, когда мы общались, доказывало, что визовство - не плод ее богатого воображения.

Семья меня не бросала. Поначалу рядом всегда кто-то был, но теперь каждый приходил раз в неделю.

- Евгения Геннадьевна говорит, что нужно с тобой общаться. Что ты все слышишь, - тихо шептала Алла, - мы с Алиной не верим уже, а вот Пал Палыч верит. Зовет тебя постоянно. Возвращайся, мам. Ты где-то там, я знаю.

Больше всех досталось мужу. Он выцвел, осунулся. Давно

уже со мной не разговаривает, приходит и молчит. Смотрит на грудку костей, обтянутую кожей, вздыхает. Иногда ночами напролет сидит, врачи уже не прогоняют.

Алина читает мне вслух. Все подряд: газеты, книги, сборники рецептов, учебники. Она поправилась и стала еще очаровательнее. Уже целый год встречается с мужчиной, вроде даже о свадьбе стали задумываться.

Это мне Пал Палыч рассказал. Он приходил вместе с бабушкой - моей свекровью, и пока свекровь общалась с медработниками, болтал обо всем на свете.

Почему-то я всегда чувствовала, когда приходил кто-то из семьи, и торопилась, чтобы хотя бы посмотреть на родных, раз уж жить с ними пока не получается.

Врачи неизменно радовали мужа и свекровь тем, что мой мозг восстанавливается, пусть и очень медленно. Но судя по тому, что в тело вернуться я все еще не могла, до простого целительного сна нам было далеко.

Мираса восстанавливалась почти полгода, попутно уничтожив все запасы шиповника в поселении и все, что принесли сверх того. Добыть его в Степи оказалось непросто, но муж моей юной подруги справлялся.

Меня все еще пугало то, насколько она взрослая, и каждый раз, когда удавалось находить сохранившиеся островки наивности, даже истинно детской невинности, я радовалась.

Девочка рассказала, что среди степных племен принято

кочевать, оседают единицы, но в основном племена совсем крошечные. Ее муж был предводителем одного из крупнейших племен. Вождь многие годы безуспешно искал жену. В раннем возрасте девочек отдавали в жены вождям племен, но до того, как молодой жене исполнилось пятнадцать, постельные отношения между супругами не только порицались, но и карались.

Поскольку девочки с рождения принадлежали своим семьям, после свадьбы их передавали в семью мужа. Из-за этого все время до наступления зрелости девочка проводила в доме, сокрытая от взора богов, а на следующий день после пятнадцатилетия муж овладевал ею и представлял племени как полноправную жену.

На некстати всплывшее в памяти правило первой крови Мираса спокойно пояснила, что все кровавые дни, которые происходят с девочками до пятнадцати, принадлежат богам. Кровь тщательно собирается в чаши и передается шаманам. Традиция, конечно, мерзкая, но она спасла Миру от ранней половой жизни, так что я не вякала.

При этом никто, со слов Мирасы, девочек не готовил, не объяснял, что будет после наступления пятнадцатилетия. Поэтому с приближением «дня Икс», я стала ненавязчиво рассказывать девочке, как и что работает и делается.

Оказалось, что мир, из которого происходит юная особа, значения не имеет: мои беседы с Алиной и Аллой ничем не отличались от беседы с Мирасой. Более того, вопросы она

задала точно такие же, что и мои дочери в том же возрасте, разве что восторга у лишенной информации малышки, было намного больше, как и растерянности.

Мы узнали, что я могу подселиться в тело Мирасы и даже забрать над ним управление, когда мы обе внутри, а вот оставаться внутри тела в одиночестве не могла, как и оставаться в мире Миры без нее и наоборот.

За два года она отъелась, подросла и стала похожа на девочку-подростка. Большую часть времени мы проводили в ее мире. Я показывала упражнения из йоги для гибкости, которые мы практиковали всей семьей дважды в неделю, делилась опытом рождения и воспитания детей. Мира рассказывала о жизни в Степи, но тут ее часто подводил возраст: знаний девочке не хватало. Еще Мираса полюбила слушать, как я пою. Мой песенный репертуар был невелик, но для молодой девушки был в новинку, так что не надоедал.

Самым поразительным оказалось то, что у нее была высшая цель: объединить племена и заставить их осесть, создав укрепленный город, где можно укрыться в тяжелые времена и отдохнуть в светлые. Сама она признавалась, что одной жизни не хватит, чтобы убедить упертых степняков. но надежды не оставляла. Эту мечту заронила в ней ее мама, и Мира намеревалась таким образом вписать их имена в историю.

Так что частенько я задавала ей всякие неудобные вопро-

сы о будущем Великом Племені Степей и городе-крепости, чтобы она была достаточно убедительна, когда придет время.

По взаимной договоренности несколько ночей в неделю я проводила у своего тела, чтобы дать девочке хоть сколько-то личного пространства.

Наконец, настал тот самый день рождения. Я долго думала, что ничего подарить ей не удастся, даже расстроилась из-за этого. Но Мира, не зная традиций моей родины, никакого значения этому не придавала. Она больше нервничала из-за того, что случится этой ночью.

Едва понялась луна, дверь в дом молодой жены вождя открылась, и вошел еще больше раскачавшийся в боях Нирам. Требовательный взгляд, и Мира послушно скидывает одеяние, а я испаряюсь, чтобы не мешать ей в такой важный момент.

Она подготовила себя сама, чтобы быть готовой принять мужа. Было странно присутствовать рядом в такой интимный момент, но перепуганная девушка просила меня не уходить до последнего.

Привычно зависнув рядом с окном в стене палаты, я наблюдала за ночной улицей Москвы, борясь с собственной нервозностью из-за того, что сейчас происходило с Мирой. Вместе с тем, не могла не порадоваться тому, что настолько близкое присутствие моим дочерям в такой момент не потребовалось. Когда у меня рассвело, вернулась к Мире и за-

стала ее плачущей:

- Милая, что случилось? - я метнулась к ней, чуть не вломившись в тело.

- Он... он... - она зашла в новом потоке рыданий.

Постель была смята, на одеяле осталась кровь.

- Был груб? - Мираса сжалась еще сильнее и кивнула, - Мира, солнышко... - так хотелось прижать ее к себе, дать выплакаться и только потом лезть с размышлениями на этот счет.

- Он сказал, что я лучше всех его женщин, - через несколько часов, успокоившись, все же поделилась она, хотя я ожидала, что молодая женщина закроется и не захочет обсуждать случившееся, - и если я продолжу угождать Нираму, он отошлет других от его постели. Ты рассказывала иначе, - не обвинение, констатация факта.

- Мира, прости за то, что я сейчас скажу, но твоего мужа нельзя винить за его постельные привычки, - подопечная вопросительно глянула на меня, - он продукт своего мира и своего времени. По-другому он просто не умеет. То, о чем рассказывала я, может быть, но для этого тебе самой придется учить мужа получать удовольствие вместе.

- Как? - растерянно спросила она, и я уже собиралась предложить вариант, но в дом вошла молодая обтянутая в кожаные неприлично открытые одежды женщина и просвистела что-то Мире.

Девочка встала, быстро сложила пальцы в условный знак

«Залезай, подвезу», выработанный за годы, и мы вдвоем куда-то пошли.

«Сейчас нас омоют, я заращу все разрывы, и мы пойдем готовить», - пояснила Мира. Откровенный разговор откладывался.

Омовение в ледяной воде из тазика удовольствие весьма посредственное, но это лучше, чем обтирание влажной тряпкой, которые нам удалось выбить у племени. Залечивание ран выглядело странно, хотя не страннее, чем моих в палате реанимации, но главное - эффективность. Почти сразу Мира вернулась к привычной мягкой походке.

После нас привели к кострищу и оставили. Мира неуверенно взяла в руки большой кусок жира, положила в холодный казан и принялась разводить огонь. На время передачи жены из племени в племя новая семья жены создавала поселение, которое после получения статуса полноценной жены будет разобрано, и место изменится. Пока девочка сидела в доме, нападать на поселение было строжайше запрещено, говорили, что сами боги покарают нарушителя этого табу.

На приличном расстоянии за нами наблюдали люди племени. Отсюда мне было не понять, сколько их. Мира говорила, что племя мужа - самое многочисленное в Степи, но точного количества человек мы не знали.

«Нужно накормить все племя во время представления жены», - растерянно сказала девушка.

«Какое-то традиционное блюдо?» - заинтересовалась я.

«Нет, блюдо может быть любым, но это не важно», - грустно ответила соседка.

«Чего это?»

«Я никогда ничего не готовила», - убито проговорила она.

«Тогда тебе повезло, что из всех, кто мог тебе достаться в подселенцы, досталась я. Ты знаешь, где добыть продуктов?».

Наконец, огонь разгорелся, я убедила спасти свиное сало, и мы позвали давешнюю провожатую. Короткие переговоры - и нас уже ведут в большой шатер. Внутри оказалось очень холодно.

«В племени есть воздушник», - удивленно и не без гордости сообщила Мира.

В шатре нашелся скромный запас подмерзших овощей, среди которых я отыскала лук, острый перец и морковь и закинула в плетеную корзину, выданную нам под продукты. Нашла большой кусок говядины и оценивающе прикинула, хватит ли его.

«Сколько народу надо накормить?» - уточнила у хозяйки планируемого обеда, а она в свою очередь продублировала провожатой.

«Сорок семь», - чуть поднявшееся настроение Миры снова покатило ко дну.

Я не стала убеждать ее, что все будет хорошо, только взяла три больших куска говядины, кусок баранины, добрый шмат

курдючного сала, утредила количество овощей и двинулась вдоль рядов корзин и ящичков дальше. Потушить мясо с овощами, особенно когда в запасе много времени, вариант беспроектный, но я хорошо помнила, что размазня, выдаваемая за кашу, была рисовой и нацелилась на плов. Рис нашёлся, а рядом с ним, к моему удивлению, мука.

«Нужен казан минимум в пять раз и кострище, способное его прогреть. И хотя бы соль, а лучше другие специи, если есть», - я продолжила оглядываться, пока Мира повторяла мои просьбы провожатой.

«О! Чеснок - король специй!», - я неожиданно для Мира перехватила контроль над телом и уцепила целую связку.

В таких огромных объемах я плов еще не делала, конечно, но в себе была уверена. В руки вернувшей контроль над телом Мира вложили объемистый мешок, внутри которого оказались мешки и мешочки поменьше со специями.

«Нужен стол, острый нож, ровная доска и половник, которым можно что-то промешать в казане», - распорядилась я, и Мира повторила инструкции.

Пока провожатая приказывала увеличить костер и найти утварь, мы приволокли тяжеленную корзину поближе к месту будущей готовки и пошли осматриваться. Если я правильно поняла, племя стояло здесь три года, а значит, скорее всего где-то тут найдется...

«Тандыр!» - обрадовалась я.

«Это земляная печь», - поправила Мира, которая, кажет-

ся, уже передумала радоваться такому помощнику, как я.

«Ну да, тандыр. Надо разжечь», - Мира тут же передала это суетящимся с костром мужчинам.

Мы вернулись в продуктовую палатку, где взяли муки - отсыпали из большого мешка в мешок поменьше.

Руки непривычно, но быстро делали работу: нарезала курдюк, мясо и овощи. При помощи того же человека, который помог с тандыром, промыла рис. Уверенно собрала зирвак и с трудом сдерживала напев, шедший в голову.

Тесто на лепешки замесилось удивительно хорошее: мука была грязновата, а чем просеять, я не нашла. Закидывать лепешки в тандыр на такую толпу я припрягла того же помощника, который его разжигал. После того, как вытащил первую партию, бедолага гипнотизировал стопочку взглядом, но до начала общего обеда трогать не смел.

«Племя довольно тем, что ты делаешь», - радовалась Мира, пока мы заготавливали чеснок. - «Без тебя ни за что бы не справилась».

«И что случилось бы?»

«Я заняла бы самую нижнюю ступеньку в иерархии. Даже на постель мужа не могла бы полноценно претендовать, а ты и твоя готовка дали немного власти, потому что во мне есть настоящее женское начало».

«Чего?»

«Женщины путешествуют с племенем, чтобы поддержать баланс между женским и мужским началом, я же говорила.

Если бы я приготовила обед для племени невкусно или не приготовила вообще, меня сочли бы негодной для поддержания баланса, а значит, и недостойной распоряжаться другими женщинами в племени. Теперь я имею немного власти, а если еда понравится, стану не только полноценной, но и полноправной женой. Причем последней, потому что по укладу Степи вождь может иметь только семь жен, одновременно или одну за одной, и я была последним шансом. Мама всегда говорила, что строить иерархию таким образом - варварство, но прямо сейчас ничего поделать с этим мы не сможем»

«То есть, я получила бы твою память и устремления к созданию оплота Степи и своей готовкой получила бы статус полноправной жены, если бы мы не сопротивлялись перерождению?» - уточнила я, осознавая масштаб божественной подставы.

«Скорее всего», - грустно проговорила «наименее жизнеспособная душа».

Вот что стоило Мире рассказать об этих деталях раньше? Она все отмахивалась, говорила, мол, когда выберемся, тогда и расскажу.

Через час я попросила снять крышку с казана и увидела превосходную картину: вода вытопилась, рис был готов и получился рассыпчатым. Я сбегала к зелени, нарвала всякой и прямо руками измельчила ее в миску. Чеснок вытащила, посыпала рис шафраном, собрала зирвак и рис в единое блюдо и спросила есть ли тарелка или поднос, который вместит

весь объем. Блюдо было больше крышки, и я невольно задумалась, как перевозить такую огромную посуду. Мужчины после недолгих объяснений накрыли блюдом казан и перевернули все на землю, потом аккуратно сняли казан, оставив на блюде гору плова. Выглядел он потрясающе, и я завершила блюдо, от души посыпав свежей кинзой, петрушкой и листьями чеснока.

«Красота!» - порадовалась я, - «Можно разгрести костер и накрывать обед», - и уступила тело хозяйке.

Еще через двадцать минут лепешки и плов перенесли в большой племенной шатер, поставили несколько бочек с вином, по просьбе Миры принесли воды, которую она незаметно прогрела и охладила. Соплеменники расселись вокруг пышущей еды. Лепешек мне показалось маловато, но никто не роптал.

Наконец, вождь племени принял из рук Миры тарелку с пловом (я подсказала, как положить так, чтобы не развалить башню), лепешку и кружку с вином. Сперва он попробовал лепешку и одобрил ее, затем попробовал плов руками (я внутри Мирасы содрогнулась), и воцарилась тишина. Долгую минуту он ничего не говорил, а потом издал какой-то торжествующий свист, и все существо Миры затопило тепло и гордость. Мы справились.

Глава 2

После торжественного обеда Миру представили как полноценную и полноправную жену, дарованную племени богами. Она радовалась и долго благодарила меня, но, стоило нам остаться вдвоем, вновь со страхом заговорила о грядущей ночи.

- Он выпил вина, причем много, и вряд ли станет нежнее. Но ты можешь попробовать взять все в свои руки, - на ум пришло несколько сцен из сериалов.

До конца луны Мира будет жить в отдельном шатре, а после сама решит, хочет ли она переехать к мужу. Я, как и в прошлый раз, не стала вмешиваться в совсем уж интимную жизнь Мирасы и отправилась на ночь домой, наблюдала за ночной жизнью города из окна.

Смотреть на отощавшее тело сил не было: сразу приходили упаднические мысли о том, что я уже не вернусь, так навсегда и останусь наперсницей при молодой жене вождя.

Неожиданно для меня среди ночи пришла Мира.

- Мы спим. Пора возобновить лечение, - она пробормотала привычный наговор, и из туалета около палаты протянулась струйка воды, - жаль, что я не могу сказать, сколько еще потребуется времени, - мы наблюдали за тонкой струйкой воды, проникающей в меня через рот, - твой совет помог, Ляйсан. Ты помогла. Я никогда не смогу до конца от-

благодарить тебя.

- Я помогла, потому что могла помочь. Такие дела не требуют благодарности.

- Любые дела должны быть награждены по достоинству, - мягко не согласилась она, - таковы заветы предков. Полный стол одним блюдом отдал дань всем известным традициям, а твое умение печь хлеб выразило уважение к Терре, которого почитает племя, - пояснила случившееся Мира, - так что сегодня ты выставила меня в лучшем свете.

- Значит, я твоя фея-крестная, - улыбнулась я.

- Кто?

И я пустилась в сказку о Золушке. Сказка, как и многие другие, была раскритикована, но выслушали ее с детским интересом. Все же отсутствие права на детство многое забрало у жены вождя. И я старалась ненавязчиво добавить ей это.

- Слушай, а почему ты всегда наговор повторяешь при лечении? - вдруг спросила ее я.

- Когда мама учила обращаться со стихиями, мне лечение водой никак не давалось. И мама придумала мне такого посредника - стишок, я им так и пользуюсь.

На завтрак нам с Нирамом дали вчерашний плов, который за ночь стал только богаче вкусом.

Во время завтрака суровый воин смотрел на молодую жену с таким вожделением, что сразу после него мне пришлось «пойти погулять» по поселению.

На стоянке было несколько кострищ, огородик с травами,

много шатров, часть из которых имели чисто техническое назначение.

Смуглый шаман, к которому я впервые за долгое время смогла пробраться, долго оглядывался и искал меня глазами, каким-то образом ощущая мое присутствие. Но так и не издал ни звука и не попытался что-либо сделать.

Наконец, из нашего с Мирой шатра вышла чета вождей, и я залюбовалась. Тонкая и хрупкая Мираса излучала внутреннюю силу. Черные густые волосы, плащом укрывающие спину, карамельная кожа, пропорциональное лицо с выделяющимися голубыми глазами и совсем чуть-чуть нескладное подростковое тело делали молодую жену вождя прекрасным видением Степи. Огромный, а рядом с Мирой гигантский, Нирам, демонстрировал богатырский разворот плеч, мощное тело воина. Широкие ладони до сих пор поражали меня, а Мира с трепетом вкладывала свою крохотную в сравнении ладошку в его руку. Коротко стриженные жесткие волосы, черные глаза, кожа намного темнее, чем у Миры, - он производил впечатление непобедимого воина.

Племя приветствовало предводителей улюлюканьем, но вскоре пара разделилась: Нирам пошел к мужчинам, Мира - к женщинам, а я присоседилась к ней в тело, чтобы мы могли общаться. Целый день Мире показывали, что где находится, и она пока почти ничего не говорила - мы шутили на тему «а то мы за годы не узнали».

Вечером за ужином всех обрадовали новостью: мы, нако-

нец, снимаемся. На рассвете приведут ослов, мулов и лошадей, и стоит солнцу подняться, племя отправится в путь.

Мире пояснил муж, а она мне: припасы на исходе, за годы стоянки охотники вывели почти всю дичь в окрестностях, так что нам нужно попасть в город, чтобы закупиться. Мне тут же захотелось посмотреть на город, но оказалось, что в племени достаточно женщин кроме Миры, чтобы этим заниматься.

По ее прикидкам, идти нам в самом лучшем случае две недели, за это время она попробует сама, а не получится - с моим советом, убедить мужа отпустить ее на рынок и, если повезет, мы застанем ярмарку. Мира мечтала увидеть место, где торговал ее дед, о котором ей много рассказывала мама.

Я была согласна на все, лишь бы не возвращаться в сырой домик-запятую, полную насекомых, от которых не спасало даже прокаливание и утрамбовывание земли.

Ночь на этот раз мы с Мирой провели вдвоем, обсуждая планы на ближайшие годы. Несмотря на амбициозную цель, Мира не рассчитывала начать ее претворять в жизнь до наступления возраста зрелости, принятого в Степи - двадцати двух лет. С этого момента замужняя женщина считалась полностью самостоятельной и вольной. В случае вдовства она не попадала на рынок невест или в дальние скудные поселения, а оставалась при племени и могла сама выбрать мужчину, который будет ее содержать и, если захочет, повторно выйти замуж.

Учитывая, что без меня она не достигла бы и пятнадцатилетия, решено было начать готовить почву сейчас. За семь лет может произойти многое, включая мое выздоровление и возвращение в тело: неизвестно, сможем ли видеться после этого.

Что именно имела в виду Мираса под «готовить почву» я не очень понимала, и она с жаром делилась вариантами, а я их поддерживала или критиковала. Сегодня ночью, пока тело Мирасы спокойно спало, а мы спорили и обсуждали планы на будущее, в шатер вошел шаман. Он начал что-то шептать, а Мира переводить для меня.

- Я знаю, что молодую жену вождя поддерживают духи предков. Но не знаю, чего вы хотите, - Мираса помолчала, - дать знак?

- Не стоит посвящать его в подробности, - засомневалась я, - но к сведению примем. Если будет нужно - организуем ему знак, - мы помолчали, шаман тихо стоял посреди шатра, даже не оглядываясь. - Начни просыпаться, и он уйдет. Нервирует, будто мы что-то плохое делаем.

Мира кивнула и вернулась в тело. Загорочалась и начала открывать глаза, шаман тут же испарился из шатра, только полог колыхнулся.

Тело снова уснуло, и появилась Мира.

- Нирам спрашивает, не понесла ли я.

- Рано говорить об этом.

- Ну, сейчас время низкой вероятности, - протянула Ми-

ра, - так что не думаю, что понесу с третьего раза. И да, я помню, что это ничего не гарантирует, только сокращает вероятность, - увидев выражение моего лица, закончила мысль она.

Время до наступления зрелости мы тратили не только на байки. Я учила ее считать, например. Цифры здесь были не похожи на земные, так что сначала мы сопоставили их написание, а уж потом начали осваивать счет. После простой арифметики мы вместе вывели своеобразную теорию вероятности и постоянно практиковались на бытовых задачах.

Наконец, я научила Миру считать запасы и делить их на количество ртов - ночью мы выяснили, что имеющихся запасов, если использовать с умом, может хватить до начала времени пекла: летом в Степи температура в тени поднималась примерно до пятидесяти градусов. К этому времени племя должно пополнить запасы и попасть к большому озеру Гург, которое спасает племя Нирама много лет подряд.

Еще я рассказывала ей о женском здоровье так подробно, как только могла. Все-таки тот самый первый разговор о ближайших отношениях между мужчиной и женщиной я дважды репетировала на дочерях, выросших совсем в другом обществе, и я считала важным просветить ее.

Утро наступило неожиданно. В комнату вошла девочка чуть младше Миры и сообщила, что она - Вига - будет служить полноправной и полноценной жене вождя. Вига пред-

ложила вымыться перед долгой дорогой и отвела к небольшой реке, куда я заходила вместо Мирасы: не любит девушка холодную воду, а плавать не умеет вообще. Так что я зашла и привыкла, а принимала помощь от Виги в промывании роскошной гривы уже она.

Когда мы вернулись в лагерь, все шатры уже разобрали и грузили на повозки, в которые впрягали мулов. Повозки с осликами должны были везти неразбираемый холодный шатер с продуктами, переносную, как оказалось, грядку с травами и кухонную утварь, а также две повозки-ночевки - грубо сколоченные кибитки, изнутри обтянутые плотными шкурами. Для Миры и ее Виги была отдельная повозка, как и для вождя. А еще для Миры приготовили лошадку, с которой та знакомилась, пока я с интересом наблюдала, как от грядки отламывают часть забора, чтобы на веревках с уханьем вытащить огромный земляной ком, заключенный в ящик, и тащат колышющиеся травы на большую повозку-платформу.

Как раз, когда огород водрузили на место, воины племени с улюлюканьем умчались вперед. Теперь двое из них будут каждые три часа возвращаться с докладом. Если они задержатся или не вернутся, вождь со своими кровниками отправится проверять, в чем дело, доверив заботы о племени полноправной жене. В племени останутся самые старые воины, юноши и женщины, не получившие право воина.

О праве воина мне долго и на разные лады объясняла Ми-

ра. Оказалось, что женщина или мужчина в Степи могут заниматься чем пожелают, но только воевать и иметь право на настоящее оружие можно лишь с костяным кинжалом, лично выточенным из кости животного, поверженного собственными руками.

Такой кинжал нес исключительно статусный характер, но был чрезвычайно важен для Миры: без права воина ни одна женщина не может присутствовать на совете племен, который собирался по важнейшим поводам периодически или по требованию кого-либо из вождей. Где его брать, мы пока не решили, но времени еще достаточно.

«Очень интересно все устроено, - поделилась я, когда колонна двинулась вперед, - многое мне и в голову бы не пришло».

«Насмотришься на многое за время перехода и пекла», - равнодушно ответила Мира.

На время жары все остановились, воины вернулись. Мужчины начали возводить временное кострище, а женщины принялись застряпню. Смотреть на расточительство продуктов мне было сложно: они с несчастной морковки считали половину мякоти, оставляя только сладкую серединку. Мира, быстро устав от моих стенаний, принялась командовать. Я говорила Мире что делать, она переводила, женщины исполняли. Пришлось снова ограбить шамана на ступку.

Последнюю цельную баранью ногу мужчины не слишком аккуратно зачистили от мяса и закинули вариться в огром-

ный котел. Сейчас все, кого не отправили с поручениями или в дозор, были здесь - семьдесят голодных ртов.

Когда я приказала заполнить чан водой на две трети и водрузить его над пламенем, на нас посмотрели как на дуру, но стоило Мире обернуться в поисках поддержки к мужу, как вереница потянулась к небольшому ручью, неподалеку от которого мы встали. «Еще десять тысяч ведер», - хмыкнула я, и пришлось объяснять Мирасе шутку, а потом пообещать полную версию сказки о Буратино.

Женщинам показала, как чистить морковь обратной стороной ножа. С молодой, конечно, лучше получается такой фокус, но не позволять же им уродовать овощ. Затем мы учились резать морковь шайбами. Нарезку овощей на ораву голодных ртов организовали быстро, пусть и не слишком аккуратно, а я взялась за тесто на лапшу.

Лагман - уникальное в своем разнообразии блюдо. Кто-то считает, что это только и исключительно суп, кто-то, напротив воспринимает его как жаркое, но, в любом случае, это блюдо, которое можно быстро приготовить на большое количество едоков.

Мира сказала, что на готовку и еду у нас около трех часов. Должно хватить. Тесто, вымешанное раздраженными женщинами, отправилось в холод, а я сделала в небольшом казане жарку: обжарила лук, добавила морковь и пастернак с петрушкой, закинула раздавленные ножом зубчики чеснока.

«Как наши соплеменники относятся к субпродуктам?» -

уточнила я и в ответ на недоумение пояснила, что имею в виду.

«Любят, вроде как, но не уверена, - протянула Мираса, - в родном племени высасывать кости дозволялось воинам, если кому удавалось такую отыскать».

«Отлично», - обрадовалась я и потребовала разрубить бедро на шайбы.

Никто энтузиазмом не пылал, но один из воинов подошел со своей боевой железкой и за пять минут нарубил мне кость. Я развернула шайбы, и сдавленный вздох меня озадачил. Воин сипло проговорил что-то, что Мира перевела как «Мило-стью Терры наделена полноценная жена вождя, раз она уви-дела неполую кость». Мира предложила всем воинам уго-щаться и лично отнесла три шайбы с подсолненным костным мозгом на доске мужу. Тот принял принял угощение с бла-годарностью.

Суп я посолила от души, промешала хорошенько и по-просила добавить жара. Тесто успело дойти до правильной консистенции, так что я принялась за растягивание лапши. Без навыка тела и при неидеально отшлифованной доске порвалось многовато ниточек, но сама механика прекрасно ра-ботала. Из шарика с кулак делаем колбаску, прокатываем его пальцами несколько раз до толщины шнура, наматыва-ем его между разведенными руками и начинаем ее накручи-вать. Дальше все делает гравитация. Чтобы выбить случай-но затесавшийся в лапшу воздух, иногда ударяем нитками

о стол, когда получается уже очень длинно, и нормально не провернуть - накидываем дополнительные обороты. Другие тоже попробовали растянуть лапшу, но совершали одну и ту же ошибку: сжимали руки, держащие лапшу, в кулаки. Дело пошло веселее, когда мы разобрались с механикой процесса. Хорошенько припылив мукой (которая дополнительно загустит бульон) готовую к отварке лапшу, пошла смотреть на кипящий суп.

Приставила на табуретку, стоя на которой размешивали еду в этом гигантском котле, женщину, которая после долгих объяснений сделала мне воронку из густого супа, притащила еще одну табуретку и попросила подержать доску с лапшой. Ко всеобщему удивлению, доску мне держал муж Миры, и взгляд его выражал вожеление и гордость. Крайне странное ощущение: получать такие эмоции от чужого мужа.

Лапшу закидывали долго: это нужно делать это порциями, чтобы не слипалось, а когда все было в бульоне, продолжили медленно мешать до готовности лапши. Помощники тем временем нарезали отобранную мной зелень (вышла очень внушительная горка). Наконец, за полчаса до отправления в путь, когда обычно уже убрали стоянку, я объявила о готовности еды и наполнила пиалу мужа: сперва большими неудобными щипцами лапша, затем огромный половник бульона с фасолью, мясом и овощами. Как на вчерашнем обеде муж попробовал, помолчал и коротко одобрительно хмыкнул.

Меня от котла оттеснили и стали в шесть рук накладывать еду. Нам досталось в предпоследних рядах: очень мало лапши и много фасоли с овощами и мясной пылью. Все наворачивали и хвалили.

Пока готовила, я решила побаловать нас с Мирой чаем. взяла чабрец и кардамон, из холодного шатра - мед и замешала на вскипяченной воде. Котел принесли к нашему с мужем ковру. Сейчас в его чашке - разбавленное с водой вино, но я собиралась предложить попробовать и ему.

Пока мы ели, напиток настоялся, и Мира сняла пробу. Ей очень понравилось, так что она убедила испить и мужа. Тот тоже оценил сладко-горький чай с пряными нотами, под мой рассказ о бодрящих свойствах напитка. Воинам-дозорным тоже досталось по чашечке, остальные тихо завидовали. С часовым запозданием племя двинулось в путь и не останавливалось до следующего зенита солнца.

Нирам позвал жену в передвижной шатер исполнять супружеский долг. Очень вовремя позвал: к моему телу пришел кто-то из семьи.

Пришел муж. Все сжалось при виде впалых щек и темных кругов под глазами, но поделать я ничего не могла.

- Врачи говорят, что тебе становится лучше, пусть и медленно, - впервые за долгое время заговорил он, - я знаю, что ты здесь, будто ты тут рядом. Алла сделала вчера пирожки по рецепту из твоей тетрадки, представляешь? Очень вкусно вышло, но все равно не как у тебя, хотя она точно следовала

рецепту.

Конечно, не как у меня. У каждого кулинара получится по-своему - в тетрадке только такие рецепты и есть, душевные.

- Мы вроде бы научились без тебя жить за это время, - грустно признался он, - но с мыслью, что ты уехала и вот-вот приедешь, - он помолчал, прижавшись лбом к моему запястью, - вернись, пожалуйста, Ляся. Прошу тебя, - шептал он, и я ощутила на руке влагу.

Пашка плакал, просил вернуться, а я это чувствовала! Значит, тело действительно исцеляется, и скоро я смогу его обнять. Дать бы ему знак, что я правда здесь и очень стараюсь и Мире помочь, и к ним вернуться.

- Я правда стараюсь, родной, - зависла рядом и положила руку на плечо, - совсем скоро вернусь, ты потерпи, прошу тебя.

Он замер, даже не дышал.

- Я дождусь, - прошептал Пашка через долгую минуту и поднялся. Он вышел из палаты, я слышала, как хлопнула дверь туалета. Наверное, пошел умываться.

Привычно уселась между моим телом и стеной. Опустила взгляд на руку - уже совсем сухую - и самой захотелось расплакаться.

Москвой владела весна - самая вдохновляющая ее часть, когда на каждом дереве, кусте и вкопаной в землю палке зеленеет молодая листва, трава только-только начинает про-

растать, а одуванчики застенчиво желтеют, будто наверх выбрались только самые смелые.

- Да не приходят в себя после таких травм! - послышался голос врача из коридора.

Он вошел в палату, за ним - медицинская сестра Евгения Геннадьевна - добрейшая дама в возрасте, которая ухаживала за мной все это время.

- А я вам говорю, она поправляется, - упрямо ответила она, - вот сами посмотрите - показатели крови уже выправляются.

- Она полтора года в вегетативном состоянии, ни разу в сознание не пришла, - жестко отрубил он, - сейчас эта женщина бездарно использует деньги налогоплательщиков.

- Хорошо, что вы ничего в этом не решаете, - фыркнула сестра, на что врач бросил на нее презрительный взгляд и вышел так же стремительно, как вошел, - глупости он говорит, Ляся, не слушай и поправляйся. Тебя твои знаешь как ждут? И я жду, - она подоткнула одеяло и невольно прошла сквозь меня, - молодой врач достался в этот раз, неопытный с такими пациентами. Я знаю, что ты поправишься. А мне потом расскажешь, что с тобой было.

И тоже вышла, степенно пронесла свое грузноватое тело сквозь пространство палаты, бесшумно прикрыла дверь.

Вот так. Деньги налогоплательщиков разбазариваю. И не возразить же, что я тоже налогоплательщик. Я уже двенадцать лет не работаю. Когда Алле исполнилось три и ее мож-

но было отправить в садик, мы с Пашей решили, что его зарплаты хватит на все. Ну да и ладно. Если Евгения Геннадьевна ждет, то никуда мне не деться: придется возвращаться в свое тело и продолжать жить.

Посидела еще минут десять и вернулась, в надежде, что не ворвусь в интимный момент, и поэтому, на всякий случай, смотрела строго вверх. Не прогадала: судя по дыханию и тихим стонам, муж и жена самозабвенно приносили друг другу удовольствие. Я тут же выскользнула в щель между шка-рами.

Племя двигалось медленно, но целеустремленно, я бездумно летала между животными и повозками. Разыскивающая хозяйку Вига несколько раз мелькнула у меня перед глазами прежде, чем ей доходчиво объяснили, почему не стоит беспокоить Мирасу.

Глава 3

До края Степи мы добрались на два дня позже. До города оставалось еще несколько часов. Это значило, что закупка продуктов предстояла такая, чтобы не приходилось останавливаться на обеды, иначе не успеем до начала пекла добраться до озера.

К счастью, причиной задержки были не мы или обеды, которые мы неизменно готовили каждый день так, чтобы осталось и на ужин. Меня умилило то, как настойчиво Мираса доказывала, что воины племен только обедают, никогда не ужинают - лишь пьют вино после захода солнца. После первого обеда оказалось, что осталось около трети чана похлебки, а племя едва шевелилось от переедания. На следующий день ситуация повторилась. А потом еще раз. В общем, Мира смирилась с тем, что воины хотят есть всегда, а остальные члены племени просто рады трехразовому питанию, и не против есть еще чаще.

Задержка произошла из-за лопнувшей оси под холодным шатром. Пока нашли подходящее дерево, восстановили ось и заодно укрепили еще несколько телег, прошли почти сутки, нагнать которые так и не удалось. К концу первой недели путешествия одна из трех глубоко беременных женщин решила разродиться. Традиции не допускали родов на ходу, так что еще двадцать семь часов мы ждали, пока новоиспечен-

ная мать сможет явить на свет румяного малыша-богатыря.

Мире стоило больших трудов уговорить мужа отпустить нас в город за покупками, но он в итоге сдался перед ее заверениями о том, что грамотная закупка - залог вкуснейшего питания для всего племени.

Женщины быстро уловили разницу между тем, чтобы принимать решения самостоятельно и работать под чьим-то началом, так что всю дорогу до границы Степи я ежедневно командовала готовкой обедов.

К концу первой недели запасы окончательно истощились. Не осталось овощей, мясо осталось только вяленое. Но достаточно было вина и муки, и я взялась за дело.

Сделали лаваш из пресного теста, замешали его таким же мягким, как на лепешки. Тесто долго и со спорами раскатывали до толщины в пару миллиметров, потом запекали на прогретом казане как на сухой сковороде; внутрь густой винный соус на бульоне из чудом уцелевшей кости и вяленое мясо с обилием зелени. Получалось вкусно, хотя и своеобразно и не особенно сытно, так что приходилось готовить по четыре штуки на каждого мужчину и две на женщину независимо от возраста. Потом закончилось и мясо, а мы с Мирой откопали где-то в дальнем углу последний мешок риса и небольшой мешок фасоли.

Охотникам не везло, и Мира убедила троих отправиться на рыбалку. И это принесло плоды: два небольших садка речной рыбы, на которую поглядывали с отвращением. Ми-

ра объяснила, что есть ее невозможно. Наводящими вопросами я узнала, что шкуру с нее не снять, а оставить как есть - отвратительно.

Оказалось, что рыбу чистили так же, как наземную дичь: вспарывали пузо вынимали те внутренности, до которых добрались, а потом уже варили.

Та стоянка после отъезда была покрыта жемчужным налетом. Мы учились зачищать рыбу от чешуи, вынуждая вспомнить детство Алины, когда мы часто жили рыбалкой, и приходилось прямо на берегу чистить карпов обратной стороной ножа. Потом мы вспарывали брюшки полностью и вытаскивали все внутренности. Самым сложным стала зачистка небольших карасиков и щучек от жабр, но и это мы пережили. И вот, наконец, когда головы с плавниками отдельно, тушки отдельно, я поставила бульон. Пахло странно. Народ решил, что полноправная жена вождя сошла с ума. Я тоже так думала, но бульон упорно варила.

Никакой за жарки у меня не было, да и наполнить бульон получилось только кореньями с грядки, но в конце концов я посчитала бульон готовым и засыпала пол мешка промытого риса. Подготовила перья чеснока для пряности и бросила рыбы тушки в бульон.

Скоро я вытянула сверток с рыбой, и мы принялись снимать с нее мясо. Поначалу выходило грязно, но все приловчились, особенно когда рыбки поостыли, и получилось снимать мясо голыми руками. Наконец, мясо вернулось в суп,

рис был готов и даже чуть-чуть переварен. Я добавила листья чеснока и остатки молотого кориандра. Пять минут - и вот Мира уже подает пиалу Нираму, который пробует и, даже не комментируя, начинает наворачивать получившуюся уху.

Сейчас мы вставали лагерем на целых пять дней. Нам с Мирасой и еще пятью соплеменниками предстояло закупить продукты и «все, чего захочет полноценная жена», как перевела Мира. Вождь отрядил мужчин для закупки нескольких лошадей и повозок, были еще какие-то товары, но о них нам не рассказали.

Пока лагерь ставился, Мира на лошадке в парадной одежде и в окружении соплеменников выдвинулась в столицу королевства людей. Ехали неспешно пять часов и оказались у городских ворот, где нас пропустили без вопросов, даже с рекомендацией о хорошем постоялом дворе.

Я удивилась близости границы Степи с таким важным городом, но Мира не знала ничего о причинах.

Там были сняты комнаты: для Миры с Вигой, для женщин и одного воина в охрану и места в общем зале для остальных мужчин.

Степняки отличались от местного общества, насколько мы успели увидеть. В Степи носили шаровары и широкие туники сверху, головы покрывали длинными отрезами ткани для защиты от солнца и песка.

В первый день мы не собирались покупать ничего важного, только хотели узнать, что к чему, прикинуть цены и посмотреть ассортимент. А предлагалось много всего. У Миры, которая никогда до этого в город не выезжала, разбегались глаза, но она стойко держалась и ничего не покупала, помня наши договоренности. Я же облетела весь огромный рынок. Много где на опорах прилавков висел один и тот же отпечатанный листок, с которого Мира прочитала: на следующий день начинается ярмарка.

На постоянный двор мы вернулись, когда начало темнеть. Полноправная жена вождя, наверное, выглядела отстраненной: внутри ее головы оживленно обсуждали, что мы увидели, и что неплохо бы прикупить. Ужин мы проглотили не жуя, чтобы поскорее лечь спать и заняться составлением списка и расчетами.

На рынке я заметила, что в основной массе здесь говорили на другом языке - более рычащем и гортанном. Мира пояснила, что так называемый общий язык, на котором говорят все расы, давно стал главенствующим вне Степи. Мама учила ее говорить на трех языках, которые знала сама, в том числе и общий. И тот листок про ярмарку тоже был на общем.

Список составляли до самого рассвета, и как только под окнами слышались крики, которые Мираса перевела как «Пирожки! Горячие пирожки!», мы взяли людей и отправи-

лись обратно на рынок. По моему настоянию все дружно завтракали пирожками, купленными у бойкой румяной барышни - «кровь с молоком». Мира съела два: с картошкой и с капустой, остальные выбрали мясные начинки. Жена вождя переводила мне все, что мы слышали.

Так я узнала, что сегодня целый ряд рынка будет занят продукцией столичной королевской гимназии. А еще - что в этом году пройдет прием студийцев в эту самую гимназию. Сперва я решила, что ослышалась, но нет. Слова «гимназия» и «студийцы» я прекрасно расслышала без Миры.

«Мира, нам надо в гимназию, - тут же возбудилась я, - нужно за сегодня узнать о ней все, что можно».

«Зачем нам в гимназию?».

«Во-первых, знания никогда не лишние, во-вторых, нюхом чую, что там все самое интересное и исключительно полезное для твоей цели», - тараторила я.

Ненадолго вопросы о гимназии отложились: мы попали в продуктовые ряды, переполненные торговцами.

Первое, что мы купили - присмотренные еще вчера три пуда соли и пятнадцать пудов очищенной белой муки привычного мне помола. На мешках нашелся знак в виде щита, разделенного на четыре секции разных цветов.

Затем овощи: картофель, морковь, пастернак, лук, свекла (в нее я вцепилась клещом, несмотря на недружелюбные взгляды соплеменников), репа, хрен, острый перец, сладкий перец, напоминающий по форме ласточку, крепкие немного

незрелые помидоры, кабачки, тыквы и белокачанная капуста, на почти всех мешках был знак со щитом.

Всего набралось четыре перегруженные телеги, которые медленно покатили к стоянке. Мы оставили предоплату и деньги за доставку до нашей стоянки, остальное оплатят на месте по поверительному письму от Миры. Правда, рассчитывались с торговцами, сбившимися в кучу от наших аппетитов, долго: Мираса считала в уме, чем поразила наших сопровождающих.

От свежих овощей перешли к крупам и специям и тут купили все, что понравилось мне на вид. Лучшими по соотношению цены и качества оказались торговцы, на мешках которых были знаки со щитом. За болтовней с продавцами Мира выяснила, что это знак гимназии, а на одном из прилавков нам дали листовку, которую мы решили просмотреть позже.

Здесь мы прихватили рис, изумительно чистую манку, пшено, овсянку, фасоль и красную, и белую, сушеный целый горох, еще муки, тростниковый сахар и целый мешок сухофруктов. Еще пять телег.

Как повезем к озеру - вопрос, который взяли на себя наши сопровождающие, которые быстро заскучали, глядя как я торгуюсь через Миру. Синхронность ее переводов возрастала не по дням, а по часам. Специи я покупала практически все: от черного перца до корицы. Вышел плотно набитый мешок из-под муки.

Закупили яблок, лимонов (к моему восторгу), живых

дрожжей (стоили неприлично дорого и продавались в специальной холодной коробочке, но я уперлась и отказывалась уходить без них), желатина, сыров и молока и, наконец, дошли до скотных рядов.

Вымотанные часами торга соплеменники умоляли отложить это на завтра, и я была с ними согласна: глаз уже замылился, но это не мешало мне посмотреть, что предлагают. Очаровательные мягкие коровки, которые не переживут даже переход до озера, свиньи, овцы и куры. Кого бы мы не взяли, разводить при кочевом образе жизни не выйдет - только на забой. Я нацелилась на пару молочных козочек, которые с большими шансами дойдут до озера и смогут у нас прижиться.

Вечером, когда измотанное закупками и впечатлениями тело уже спало, мы занялись листовкой.

- Зачем мне все это? - раздраженно отмахивалась Мира, как никогда ранее напоминая женщину земного Востока.

- Мира, тебе нужны знания! - терпеливо говорила ей, - скорее всего, очень многие проблемы, с которыми ты столкнешь при основании города, уже имеют решение. Твоя мама научила тебя базовым вещам, до чего-то ты дошла сама, и я не смею умалять эти заслуги. Но ты сама говоришь, что она уверенно управляла рунами, а ты сама знаешь только парочку воздушных - остальному тебя не успели научить. Здесь научат!

- Да как ты себе вообще представляешь - жена вождя боль-

шого племени - и на чужой земле?!

- Мираса, давай сходим и пообщаемся. Скотину и телеги закупят без нас, а мы узнаем подробности.

- Да меня муж не пустит!

- Ты никуда еще не поступила, Мира! - взвилась я, потом замолчала на несколько секунд, успокаиваясь, - я предлагаю узнать, что к чему, и чем грозит обучение, что можно узнать, и как использовать.

- Ладно! - снова повысила голос девушка, - завтра сходим, - уже спокойнее.

На этом мы отправились к моему телу - продолжать меня лечить, а после Мира отправилась спать. Мы давно установили график, позволяющий ей настоящий сон, чтобы не истощать организм.

Утро пришло стремительно. Едва за окном послышалось заветное «Пирожки!», я разбудила Миру, все собрались и выдвинулись на рынок.

Мы решили до открытия гимназии пройти по рынку. Оказалось, не зря: с рассветом открылся целый ряд товаров, производимых в гимназии.

Разные растительные масла, топленое сливочное масло, непостижимым для меня образом пастеризованные сливки, настоящий пармезан, который нам даже дали попробовать, и это был тот самый вкус, огромные бочки с соленьями: огурцы, квашенная капуста потрясающей вкусноты, копче-

ные окорока и рыба, вяленое мясо, которое не выглядело так, будто его уже пожевали, большое разнообразие всяких трав, чайных сборов и специй и масса всего, что на рынке до этого мне не попадалось или было ненадлежащего качества. Пищевые стенды закончились, и нашлось изумительного качества мыло, стиральный порошок на его основе, щелочные жидкие растворы, деревянные кубики с рисунками для разных целей: стирка, душ, мытье посуды, чистка печей, выращивание трав и овощей на почти любой земле и огромное разнообразие рисунков для других задач - в этом мире со стихиями возможно практически все.

Примечательно, что на рядах гимназии не продавали никакие лекарственные настои или кубики для лечения, хотя на других рядах - впечатляющее разнообразие, и мои соплеменники настаивали, чтобы сразу купить нужные сборы, ведь «лекарские штучки раскупали в первую очередь». Мира по моей просьбе поинтересовалась у одного из прилавков, и ей посоветовали обратиться в гимназию - там, мол, есть лекарский корпус.

А если молодой жене вождя нужны большие объемы, то беседовать следует сразу с директором гимназии Литтой Надср или ее помощником Шоном.

Такая перспектива нас более чем устраивала. Так что скупив все, что нам понравилось, наскоро пробежав через утварь, мы отправили соплеменников гулять по городу, а сами направились в гимназию.

Здание поражало своей монументальностью: стоя у главных ворот мы не видели конца стены. Настоящая крепость.

Нас проводили сквозь внутренний двор и завели в самую настоящую больницу. В коридорах пахло спиртом, тут и там сновал персонал. Пару раз мы пронаблюдали небольших, Мире по колено, человекообразных существ, деловито обсуждающих что-то с людьми в белых халатах.

Сделку оформили быстро и профессионально, все закупленное обещали доставить на постоянный двор.

Мира попыталась уйти, но я настойчиво зудела, что нам следует спросить про учебу, и она сдалась. В проводящие нас отрядили как раз маленького человечка. На удивленное лицо Миры молодой парень простодушно пояснил, что он - помощник, и если госпожа будет учиться в нашей славной гимназии, то все обязательно поймет. Он же подсказал, что к директору следует обращаться исключительно как к «директору Надср» и проводил нас до зала абитуриентов. Довел прямо до стола, где молодой мужчина внимательно посмотрел на Миру и, видимо, представился.

- Мираса Нирам, - представилась она, а дальше я не поняла ни слова.

Через примерно полчаса беседы, во время которой Мира что-то писала на бумаге, решала примеры (цифры я уже выучила), говорила на нескольких языках и бурно жестикулировала. Наконец, «собеседование» было закончено, и Мира вкратце пересказала мне его содержание: умеет ли она пи-

сать, считать и читать, и если да - насколько хорошо, какими языками и как глубоко владеет. В конце преподаватель пояснил, что эта беседа нужна чтобы понять количество необходимых занятий по базовым навыкам - поступить в гимназию может любой желающий. Пока все побуждало меня уговорить подопечную сбежать из племени и выучиться тут.

Нас проводили в комнату, где сидела уставшая женщина неопределимо средних лет с глубоко залегшими тенями под глазами. Светло-русые волосы свободно струились по плечам, добродушная улыбка будто намертво приклеилась к губам, серые глаза не выражало никаких ярких эмоций. Она сидела за небольшим деревянным столом, на котором лежали свитки, раскрытые и аккуратно сложенные в две стопки.

Мира какое-то время общалась, не подключая меня, просто переводя:

- Доброго дня, директор Надср.
- Доброго. Ты пришла поступать на обучение в гимназию. Знаешь, что это за место?
- Только из листовки, которую увидела на рынке.
- Это место я создала, чтобы обучать юных визов мастерству владения стихиями и двигать знания вперед. Подробности всей истории ты узнаешь во время занятий, я расскажу про процесс, - директор немного помолчала, видимо, ожидая вопросов, - первые два года все учатся общим наукам: счету, письму, чтению, рунам и владению стихиями. За эти два года ты приобретешь первого помощника - это раса, созданная

богами в помощь визам, все подробности узнаешь в процессе. Обучение только на общем языке, но у нас есть факультативы по другим. После окончания обязательного общего образования тебе предложат продолжить обучение или получить аттестат зрелости и отправиться по своим делам. Вопросы?

- Что такое «факультатив»?

«Я бы рассказала», - хихикнула я.

- Это дополнительное необязательное занятие, их посещают по желанию.

- Больше вопросов нет, - улыбнулась Мираса.

- Прежде, чем ты приступишь к обучению, мы заключим контракт. Ты уверенно говоришь на общем, судя по итогам входной беседы, так что читай сама и спрашивай, если что-то не поймешь.

Получалось, что с момента поступления до момента получения документа об окончании обучения студия полностью находится в распоряжении гимназии. Учатся, проходят практики, живут на территории замка, получают от нее все необходимое обеспечение. В случае нарушения законов королевства отвечать студиям будет со всей строгостью, если законникам удастся убедить лично директора, несмотря на внутреннее расследование, которое проводится с привлечением помощников.

На территории гимназии под угрозой отчисления запрещались любые расовые или классовые гонения. Мериться

предлагалось исключительно знаниями. В свою очередь, студии брали на себя обязательства: почтение к заведению и его имуществу, невмешательство в налаженный быт; никакого визовства вне учебных комнат до инициации, что бы это не значило, и неукоснительно следовать учебным планам и указаниям преподавателей. Это, конечно, очень вкратце: свиток с контрактом был очень длинным.

- Вопросы? - уточнила директор, когда Мира подняла голову от прочтения.

«Надо обсудить. Сейчас.»

Мира что-то сказала директору, та кивнула.

«Мира, нужно брать всех незамужних женщин и вдов и тащить обучаться», - тут же выдала я.

«А чего не все племя?», - съехидничала Мира.

«Над всем племенем ты не властна без права воина, а над женщинами - да, - выдала я заготовленный ответ, - узнай, есть ли ограничения по возрасту».

«Они берут с двенадцати до пятнадцати лет».

«Значит, всех подходящих девочек, - сменила курс я, - у нас таких девять. И ты».

«Ляйсан, да зачем?» - устало переспросила Мира.

«Ты хочешь строить будущее, Мира, - мягко проговорила я, - это невозможно без знаний. Хотя бы два года до инициации, но проучиться надо. Я бы попыталась убедить Нирама отпустить и мальчиков - это может быть очень полезно. Ночью мы обсудим подробнее, а сейчас узнай о возможности

принять десять человек от Степи».

«Нирам ни за что не отпустит десять женщин неизвестно куда», - совсем уж мрачно послышалось в чужой голове.

«А тебе не надо, чтобы Нирам отпустил всех, - хмыкнула я, - только тебя. Ты же полноправная жена».

Настойчивость если не убедила Миру в моей правоте, то заставила задуматься.

Они общались какое-то время, я успела заскучать и снова погрузиться в мысли: чем дольше мы находимся в гимназии, тем больше знакомых слов я слышу. Какие-то звучат непривычно, например, с неправильными ударениями, но все же вполне русские «гимназия», «студия», «контракт», «факультатив» сбивали с толку. Я не первая в этом мире? Если Литта создала это место, то она - душа, согласившаяся занять наиболее жизнеспособное тело и изменившая этот мир? А меня тогда зачем хотели переселить сюда? Чтобы я помогла создать город в Великой Степи?

«Нас примут, если мы придем завтра в полном составе и подпишем контракт», - подвела итог Мира.

«Идем, нужно успеть к стоянке и обратно. Потом перескажешь разговор, а я объясню, почему настаиваю.»

На постоянный двор вернулись быстро, но по дороге не общались. Мира попросила немного подумать в одиночестве, и я вернулась к своему телу, лишь убедилась, что она велела запрячь лошадку, и, не теряя сосредоточенного вида, устремилась прочь из города. Вернусь к ней через несколько ча-

сов, когда она немного утрясет мысли на лошадиной спине.

Побродила какое-то время по палате, послушала ненавистный звук кардиомонитора и вдруг решила, что давно не пыталась лечь в тело. Поначалу Мираса регулярно просила меня попытаться еще раз, но в итоге решила повременить с этими попытками, видя, как я каждый раз расстраиваюсь от неудачи.

Расположилась прямо над телом, и даже призрак мой был больше скелета. При попытке приблизиться лицом к лицу душа и тело соприкоснулись, и мир с громким хлопком сошелся чернильной мглой.

Глава 4

Я примчалась к стоянке глубокой ночью. Муж не ожидал раннего возвращения, но я не дала ему сказать и слова: тут же утащила в шатер и применила несколько совершенно бесстыдных вещей, которые мы с Ляйсан подсмотрели у санитаров больницы, где она лежит. Ценная наука, полезная.

Ляся права: мне не нужно упрашивать мужа отпустить со мной женщин племени. Нужно убедить его отпустить меня, а девушек заберу сама - есть ведь статусы полноценной и полноправной жены вождя. Моя мать, например, статус полноценной получила только после моего рождения - обед племени она провалила.

К моему огромному сожалению, Нирам был не из тех мужчин, кто забывает обо всем, едва «кровь оттекает от головы». Так что, естественно, не поверил в мое истовое желание исполнять обязанности полноценной жены, что я аж в ночи примчалась к стоянке. Пришлось признаваться. Зажурилась покрепче и выпалила:

- Я хочу выучиться в столичной королевской гимназии...
- Нет. - сказал, как отрезал.
- Даже не выслушаешь? - расстроилась я.

Могла и догадаться. Племя Нирама не стало бы одним из сильнейших и не заняло бы единолично Гург, если бы вождь стал кого-то слушать. Но я же не кто-то, а жена? Или един-

ственное мое право - ублажать мужа?

Очень хотелось посоветоваться с Лясей, но ее не было видно с тех пор, как я попросила времени «на подумать».

- Это усилит племя, - нашла я, - обучение визовству позволит нам стоять выше других племен - не на голову, а на две.

- У нас достаточно визов, - коротко высказался муж, но на мой просительный взгляд немного смягчился, - вот пусть шаман пойдет учиться, а моя жена будет при мне.

- Поступить можно только с двенадцати до пятнадцати лет.

- Тогда никто никуда не идет. Раз ты вернулась раньше - останешься здесь, а закупки закончат без тебя, - и потянулся ко мне с недвусмысленными намерениями.

Отказать я не посмела - лелеяла надежду, что со второго раза смогу убедить мужа, но нет. Он остался непреклонен, и я решила поспать несколько часов и посоветоваться с Ляйсан, пока буду лечить ее тело. Как только мое тело уснуло, переместилась к подруге, но ее не оказалось в палате. Дверь закрыта, без меня в моем мире она оставаться не может, то есть как только я переместилась к ней, она должна была подтянуться ко мне, иначе я не сумела бы здесь оставаться.

Значит, она здесь? Может дверь приоткрывали, и она вышла? Этого мне не проверить, так что быстро прошептала наговор на лечение повреждений

Еще какое-то время я ждала, что появится Ляся, но ее не

было. В конце концов вернулась к себе: нужно действовать.

Спокойное и здоровое размышление дало ясность: наперсница права. Мне нужна гимназия и соратницы, получившие то же образование, что и я. Кроме того, мужу я не солгала: это действительно усилит племя. В конце концов, это новые знакомства, и даже если придется насильно отделяться от мужа - у меня будет поддержка человеческого королевства. По пробуждении я велела Виге отобрать подходящих девочек.

Она собрала их буквально за час - получилось действительно девять. После осмотра я всех отпустила, продолжая размышлять над ситуацией.

Еще в детстве я поняла, что большинство племен кочуют не из «любви к свободе», как нам это всегда преподносили, а потому что Степь скудна на дичь; рыбу, как выяснилось недавно, мы неправильно использовали; а сама земля не очень плодородна. В период пекла любые посадки просто выгорали, животные умирали, потому что племена не были способны обеспечить их.

Вот и получалось, что мы не стояли на месте дольше двух месяцев, если вождь не решал жениться. Для передачи жены вождя несколько лет активно торговали, чтобы закупиться и наладить постоянную стоянку.

Я - седьмая попытка Нирама жениться и обзавестись потомком, которого он воспитает таким же сильнейшим как он

сам.

Виз, прибившийся к племени после похода за мной, организовал передвижной палисадник, где выращивал травы для всего племени. Шаман, который, по рассказу женщин, был против этой посадки, стал самым верным почитателем этого человека, ведь тому удалось приживить самые нужные для работы с духами травы, и за ними больше не приходилось ходить к нечисти на болота.

После «явления Аквы», когда я объела весь окрестный шиповник, он задался целью вырастить собственный куст, чтобы изучить его свойства поподробнее - теперь вместе с палисадником на большой платформе ездит кадка с небольшим кустиком, которым умилялась Ляся.

Нирам получил право воина, кажется, раньше, чем научился ходить: говорили, что он убил первого барсука, когда ему и года не исполнилось. Правда ли это, знает только его мать, которая загадочно молчала в ответ на все расспросы. Нирам обладал, как говорила Ляйсан, «врожденным покер-фейсом»: он казнил и миловал, торговал и брал меня, помогал мне перетаскивать тяжести и отдавал приказ об очередном завоевании с одинаковой приклеенной к лицу ничего не значащей полуулыбкой. Мне всегда казалось, что в пылу сражения, когда другие мужчины рычат и кричат, он рубит головы врагам с тем же выражением лица, с каким недавно отказал мне в обучении.

Мне же предстояло найти способ получить право воина.

Конечно, я могла бы убедить мужа в необходимости постоянного поселения, и его руками добиться от совета племен всего, что потребуется для основания города, но тогда мои права в городе могут оспорить со смертью мужа.

Мне неприятно думать, что рано или поздно я останусь одна, но век степного воина короток, а мои устремления не потерпят сентиментальности.

Будет здорово, если мы сумеем найти баланс в наших отношениях, но пока что все движется по тому пути, который мне известен от матери, а не от Ляси. Моя мать, пока была жива, рассказывала много всяких хитростей, которые помогали ей добиться желаемого от мужа, и сама же часто признавалась, что проще всего просто взять и сделать так, как хочешь, и пусть муж делает с этим все, что ему заблагорассудится.

Директор Надср гарантировала защиту от любых притязаний к студиям, значит я могу не опасаться, что муж увезет насильно. Долго думать не пришлось: я вышла из мужниного шатра в свежее утро и велела Виге собрать всех муж увезет насильно с вещами и подготовить для нас мулов и ослов. Ехать предстояло полдня бодрым шагом.

Нирам нашелся у телег с прибывшим мясом, для которого пришлось соорудить отдельный шатер: Ляйсан придумала, как заморозить его моими силами. Я, конечно, выдала идею за свою, муж меня и слушать не стал, а вот второй виз заинтересовался и убедил Нирама. Хотелось бы, чтобы Нирам

прислушивался ко мне - Ляйсан говорила, что встречаются мужчины, готовые поверить в женщину, особенно, если называли ее своей. Но мой муж к таким не относился, и не думаю, что в мире отыщется хоть один такой.

- Муж мой, удели мне мгновение.

Ему очень нравилось, когда я обращалась к нему так.

- Что ты хотела, свет мой? - улыбнулся он, обнимая меня.

Вообще, публичное проявление чувств в Степи не поощрялось, только самые уверенные мужчины позволяли себе подобное. Нирам знал, как приятно такое признание единственной и любимой, так что регулярно находил время, чтобы обнять меня или преподнести беличий хвостик прекрасной выделки. Другие женщины приказом были отлучены от его постели сразу после получения мною статусов, и такие проявления выглядели еще более красноречиво. Может быть, не так все и безнадежно со взаимопониманием? Ведь, как говорила Ляся, он - продукт своего времени и общества. В постели же пришли к взаимному удовольствию, пусть и не без помощи извне, может, и тут научимся?

- Я отведу девочек в гимназию, - нежно проговорила я, обнимая за шею в ответ.

Муж закаменел, но рук не убрал.

- Я же сказал, что ты никуда учиться не пойдешь, - тихо, но жестко проговорил он.

- Я хочу проводить девочек и убедиться, что они их устроят как следует, - проворковала мужу, - пусть мне ты запрета

тил, но от своего мнения я не отказываюсь: обученные ви-
зы усилят племя. Никакой тайны из обучения в гимназии не
делают, так что через десять лет они смогут поделиться зна-
ниями с остальными. Ты же не против новых кубиков, так
почему бы не научиться делать их самостоятельно?

- Если так... - он помолчал и резко кликнул своего назван-
ного брата и второе копые племени. - Отбери троих мальчи-
ков, сколько ты сказала?

- От двенадцати до пятнадцати лет, чистокровных людей,
- подсказала я, - мы выходим через двадцать минут, пусть не
берут лишнего, гимназия всем обеспечивает.

- Все услышал? - деловито осведомился муж, оборачива-
ясь к кровнику, тот кивнул и ушел выполнять поручение.

Нирам позволил себе секундную слабость: нежно посмот-
рел на меня и мягко коснулся губами моих. Меня поражает
то, насколько ему полюбились поцелуи, а ведь когда я впер-
вые потянулась к нему с этим, он брезгливо сморщился и
пытался отпрянуть.

- Почему ты передумал? - не вытерпела, спросила.

- Ты права, это действительно усилит племя. - Спокойно
ответил он. - Но расставаться с тобой, даже если ты позво-
лишь кому-то греть мою постель, не намерен.

- Гимназию можно покидать летом после какой-то иници-
ации. Я толком не разобралась, - пожала плечами я.

- Иди, - Нирам наконец развернул меня к ожидающей
стайке перепуганных девочек.

Я обернулась, чтобы увидеть широкую спину своего супруга, продолжающего с недоверием следить, как наш виз один за одним охлаждает каждый кусок мяса до появления инея и укладывает в морозильный шатер без единой щели. Когда племя встанет у озера, нужно будет сделать небольшой отвод воды и заморозить ее, чтобы поддержать температуру шатра - так продукты не растают даже во время пекла.

- Светлого дня, - поздоровалась с нервничающими девочками, потерянно оглядывающимися на матерей в поисках поддержки и объяснений. - Вы отобраны для длительного обучения в столице человеческого королевства, - все притихли как мышки, - вы будете жить на полном обеспечении в гимназии и проведете там до десяти лет. Мы должны успеть в город дотемна, так что по коням, - и закончив речь, я взлетела на полюбившуюся смирную кобылку.

Перечить мне никто не смел, так что уже через минуту юные девы последовали моему примеру и забрались на послушных коренастых осликов и мулов.

Юноши быстро седлали своих скакунов - тоже услышали мое заявление и теперь были не особенно рады выезду. Через несколько минут мы все вышли из временного лагеря и стали набирать скорость, чтобы спустя семь часов в самый пик степной жары свалиться кулями со взмыленных скакунов.

Я повела соплеменников по известному пути. Мы прошли под огромной стеной, отделяющей академию от остального мира, преодолели огромный внутренний двор, с любопыт-

ством и страхом осматривая постройку неясного назначения и, наконец, добрались до неприметной дверцы с крутой лестницей за ней. Сегодня на входе нам сообщили, что нас примут в кабинете.

- Светлого дня, директор Надср, - поздоровалась я, проходя мимо распахнувшего двери секретаря, - я пришла сама и привела подходящих по возрасту людей.

- Светлого, - подняла голову от бумаг женщина, - все поступают?

- Да, директор, - улыбнулась я, игнорируя косой взгляд одной из девушек, - могу ли я попросить поселить нас в общежитии не вместе, а в разные комнаты с разными соседями?

В глазах директора мелькнул интерес.

- Попробуем что-нибудь сделать, - кивнула после паузы она. - Все говорят на общем языке?

- Лучше или хуже, - не стала выдавать соплеменников я: в основном говорили на пугающем не-степняков наречии, - но понимают все.

- Что ж, прекрасно, - потарабанив пальцами по столу, проговорила директор. - Обычно эта процедура проводится тет-а-тет, - я не поняла значение этого слова, - но вас много, и вы все из одного сообщества, так что сейчас я зачитаю контракт, вы зададите вопросы, и мы его подпишем. После этого можете расселяться или вернуться домой - в этом случае до предпоследнего дня лета вам надлежит явиться в гимназию. Пока все ясно?

Мы нестройно покивали и продолжили слушать условия, на которых эта женщина соглашается взять нас в учение. Я еще раз убедилась, что директор гарантирует защиту от любых внешних угроз на время обучения. Кроме того, нам обещали питание и проживание, обеспечение работой, если необходимо, и программу обучения от двух до десяти лет. После прохождения «визовской инициации» мы могли получить приглашение от одного из профильных факультетов: лекарского, военного или бытового, в соответствии с нашими успехами до «инициации», а могли окончить обучение сразу после нее.

В случае, если «стихии отворачиваются от студюоза» ему дается месяц, чтобы покинуть замок. Хотя я и не до конца понимала, что это значит, но продуманность этого момента восхищала.

Нам запрещалось указывать на происхождение или финансовое положение других студюозов, выносить не принадлежащее нам имущество за территорию гимназии, употреблять на ее территории любые дурманящие вещества в любой форме, исключая объявленные в гимназии праздники, заводить несогласованных с администрацией домашних животных и практиковать визовство, по которому еще не прошли проверки. После «инициации» каждый из нас получит аттестат зрелости - документ, подтверждающий, что мы - взрослые обученные визы, получившие минимально необходимый набор знаний и целиком и полностью осознающие

свою ответственность в связи с новообретенными возможностями.

- А можно подробнее об инициации? - попросила я, а директор на мгновение замерла.

- Об этом вам расскажут преподаватели. Если вкратце, то боги меняют твое тело и возможности. Процедура длится от пары недель до нескольких месяцев, в это время лекари ухаживают за визами.

Соплеменницы задали еще несколько вопросов, а под конец мы представились. Все мы были Нирамы - по имени нашего вождя, что каким-то странным образом восхитило директора. Мы все подписали, получили на руки по листу, и нас отправили расселяться, получать форму и первые учебники.

Внутренний трепет грозил прорваться наружу, хотя мне, как жене вождя, не подобало его испытывать. Вся процедура произошла настолько просто и буднично, будто каждый день в гимназию приходили записаться степняки.

Даже если я сама не выучусь, если мне не удастся уговорить Нирама отпустить меня, визы и их связи у меня появятся.

При недолгом размышлении я решила на время пекла вернуться в племя, чтобы переждать его на озере и убедиться, что за время моего отсутствия первые успехи, достигнутые с помощью Ляси не развеются туманом.

Нас привели в общежитие, расселили по комнатам и по-

казали как и что работает: нашлось много удивительного для меня. Соседок в комнате не оказалось, зато у некоторых других девочек они были на месте и согласились проводить нас в столовую. Оказалось, из-за того, что летом студиизы были заняты на работах с разными перерывами, подкрепиться можно было в любое время. Во время учебы такого послабления не было, и поесть можно было только по расписанию четырежды в день.

За плотным полдником меня посетило беспокойство о Лесе - она давно не появлялась. Я решила сегодня переночевать в общежитии, а завтра утром пройти последним рейдом по рынку и вернуться в племя, чтобы завтра же сняться и отправиться ночным переходом к озеру.

В какой-то мере я волновалась еще и из-за этого, ведь это будет мое первое пекло на Гурге.

Стоило мне уснуть, как я снова оказалась в темноте. Она была не такой, как тогда, когда я умирала, но вырваться из нее не могла. Какое-то время я оставалась в ней то ли паря, то ли оставаясь на месте, и вскоре увидела потерю. Подруга висела в воздухе, свернувшись в позу ребенка.

- Ляйсан, - позвала ее, пытаясь приблизиться - не удалось.
- Эй! Ляйсан! - я кричала во все горло, но она не реагировала.

Наконец, мне удалось обойти-облететь ее и увидеть выражение лица. Она измождена и сильно хмурилась - так спят очень уставшие люди. Так спал мой отец незадолго до смер-

ти.

- Спи, ясная моя, - пожелала ей так же, как он желал мне, и всем существом потянулась к ее телу. - Вода-вода, смой весь вред без следа, - произошло ли что-то в мире Ляси, я никогда не узнаю.

Вечером следующего дня мы в сопровождении еще одной, купленной телеги, загруженной целой кучей полезного, приехали к почти собранному лагерю.

Мужу было объявлено: после пекла мы возвращаемся в город, чтобы в предпоследний день лета привести новоиспеченных студюзов в гимназию. О себе и подписанном контракте я умолчала, малодушно отодвинув момент неприятного разговора на конец лета или вообще на всю жизнь. Желательно, после выпуска.

Девушки и юноши захлеб рассказывали о том, что увидели тем, кому повезло чуть меньше.

Буквально полчаса - мы всем составом двинулись к озеру Гург. Порядок был прежний: впереди воины с разведкой и регулярными докладами, за ними нестройное племя с пожитками. До начала пекла неделя. Должны успеть дойти.

Глядя на наши ряды, я все больше убеждалась, что мы переросли кочевую жизнь: очень многие решения предполагали оседлость, которую мы компенсировали мобильными версиями привычных горожанам грядок и холодильных ларей. Постоянное поселение - логичный этап нашего разви-

тия, и я хочу стоять у истоков. После долгих бесед с Лясей - даже сильнее, чем раньше.

Всю неделю я вспоминала советы наперсницы по организации питания: от гигантских казанов мы перешли к готовке на множестве небольших котлов; вино дополнили (а для кого-то и заменили) огромным количеством травяных настоев; мясо мариновали заранее и буквально на ходу, не останавливаясь, как раньше, на три-четыре часа: на все хватало максимум двух, из которых больше всего времени тратили на поедание и уборку после. Так запасов ушло ровно столько, сколько посчитала Ляся, времени на готовку ушло больше, чем я рассчитывала, но, но все равно меньше, чем раньше. Я успехами была горда, муж - доволен и еженощно не уставал мне это доказывать, активно используя все, что я успела ему показать.

Наконец, в первый день пекла мы успешно разбили лагерь у самой воды. По словам тех, кто уже пережил пекло здесь, вода спрячется и отойдет от берега примерно на три метра. Воздушник при помощи соплеменников и под контролем шамана создавал морозилку; мужчины споро устанавливали жилые шатры вместе с Нирамом, а я вместе с женщинами устанавливала постоянное кострище, чтобы быстро приготовить обед до того, как температура поднимется, и мы все спрячемся по шатрам. К сожалению, все щели тщательно заделали: выделанные шкуры могут какое-то время сохранять прохладу, если не поднимать пологи.

Пекло шло своим чередом. Утром очередного изнурительно жаркого дня мы поругались с мужем: он гневался на меня за то, что я до сих пор не потяжелела. Можно подумать, я могу как-то повлиять на зачатие! Я, злущая, вылетела из нашего шатра, обшипела Вигу и отправилась прямо к воде. Как и говорили, озеро заметно обмельчало за три недели.

Уже усевшись в воду, которая немного остудила не столько тело, сколько мысли, я поняла важную вещь: у моего мужа не было детей. До меня почти все женщины племени побывали с мужем, и с ними он не был нежен и предупредителен, как со мной. И ни одна из них за всю его жизнь не понесла. Я откинулась на спину, пораженная собственной догадкой. Постепенно вода подхватила меня и унесла от берега. Хотела было дернуться и вернуться на мель у берега - все же плавать я не умею, но внезапно душа покинула тело и оказалась рядом с Ляйсан. Приборы вокруг нее бешено пищали, люди суетились.

- Боги... - растерялась я.

Какой-то аппарат пронзительно затрещал, мужчина в белом халате что-то крикнул, а та старая санитарка, которая все эти годы неустанно ухаживала за Ляйсан, стояла в углу и смотрела туда, где я зависла. Она что-то говорила, но я не смогла разобрать слов. Наконец, я оправилась от растерянности и быстро зашептала наговор. Лопнуло два каких-то пакета и жидкость оттуда влилась прямо в рот моей подруги.

Только сейчас я увидела, что она уже похожа на мертвую, только писк и возня доказывали обратное. В Степи шаман уже проводил бы над ней обряд и готовил к погребению.

Мне повезло: все случилось как раз в тот момент, когда все отвернулись, чтобы достать еще какие-то пакеты, трубки и препараты.

В какой-то миг все сузилось до одной точки, и, в конце концов, я снова оказалась в темноте. На этот раз душа, так не похожая на тело, не спала, а металась внутри призрачного отражения своего тела.

- Ляйсан! - закричала я во все горло.

Душа замерла, уставилась на меня и через несколько бесконечно долгих минут во взгляде появилась осознанность.

- Мира! - оглушительно громко звала Ляся, - вытащи меня! Тело умирает! - она снова забилась.

Я пыталась вернуться к телу, сказать наговор еще раз, но ничего не выходило. В итоге я замкнулась в своих мыслях: горячо молилась богам с просьбами о помощи. Никто не пришел.

Глава 5

Пекло набирало обороты.

Я больше не могла попасть к Ляйсан и лечить ее. Ей было не выбраться из «клетки тела», как она сама назвала это заточение. Прошло много часов прежде, чем мы обе перестали биться о стенки, пытаясь вызволить душу, и только тогда постарались успокоиться и обсудить ситуацию, как делали это всегда.

Мы пришли к выводу: когда Ляся потянулась к телу, она в него попала. Но, поскольку ее мозг все еще слишком поврежден, выбраться она не сможет до тех пор, пока организм не восстановится достаточно, чтобы поддерживать сознание.

Из того, что я не могла попасть к ее телу и ускорить дело визовством, мы пришли к тому, что ее душа находится «вне миров». Стоило мне уснуть, я переносилась в эту темноту к Лясе.

В какой-то мере, все было похоже на время, которое мы провели взаперти при передаче меня из племени в племя: я рассказывала подруге что-то, она советовала. Подробно объяснила, почему мне нужно учиться в гимназии и брать все возможные знания, я соглашалась и все еще не представляла, как повернуть учебу по подписанному контракту.

- Пойми, Мира, ты собираешься не просто основать город, а сделать это впервые. Это будет поселение, сперва не очень

большое и не особо технологичное, возможно, состоящее из общинного дома и пристроек, и тебе придется уметь и знать больше других. Намного больше. Просто потому, что не получится свалить на кого-то ответственность - это ведь твоя идея и твоя мечта.

- Это будет каменный город. - Уверенно возразила я.

- Не сразу, - улыбалась подруга, остро напоминая мне маму. - Сначала будешь ты и те, кто учился вместе с тобой. Чтобы брать с людей налоги, по сути, плату за право жить в твоём городе, тебе придется торговать чем-то с королевством и другими соседями, собрать вокруг себя людей, научиться противостоять пеклу, чтобы не пытаться попасть хоть к какому-то водоему каждый год.

- Этому ни один учитель не научит, - я грустно улыбнулась в ответ.

- Все это можно придумать и воплотить, но нужны базовые знания. Возможно, в королевстве уже решили большую часть этих проблем, а ты не в курсе.

- Нирам не хочет меня отпускать. В последние дни злится, стоит только заикнуться о гимназии, - снова пожаловалась я.

- И не захочет, - вдруг ответила Ляся, хотя все прошлые ночи уверенно говорила, что подход есть, его просто нужно найти. - Он, как и ты, не понимает, чем могут быть полезны знания, и не хочет отпускать от себя устраивающую его жену. Его можно понять.

- И что делать?

- Отвезти соплеменников учиться после пекла и остаться с ними, - она пожала плечами, - ты же подписала контракт. Если моя догадка о происхождении директора верна, для нее это такое же весомое обязательство, как и для меня, - улыбнулась неожиданно шкодливо женщина, и я тут же проснулась.

Сегодня пик пекла - самый жаркий день. Обычно никто даже шатров не покидает, но Ляся подсказала мне способ еще больше упрочить статус полноправной жены: сделать холодный свекольный суп для соплеменников, чтобы помочь им немного охладиться в эту жару. Так что я еще в рассветной мгле выбралась из шатра мужа и отправилась в холодный шатер.

Свеклу я замариновала по рецепту с яблочным уксусом еще вчера, сегодня осталось нарезать другие овощи, сохраненные в холодном шатре, и смешать с бульоном, который мы заготовили из костей сразу, как встали в начале пекла. На все про все не больше часа, потом на горячей земле можно жарить мясо.

Все приходит с опытом - Ляся все время твердит. Кривая и неуверенная нарезка превратилась в уверенную и быструю шинковку, будто не я режу, а она. Буквально сорок минут - и я уже промешиваю в нескольких средних котлах ароматный холодный суп. Вига с подругами помогла разнести угощение по шатрам вместе с ледяной сметаной и хлебом, ко-

торый женщины пол ночи выпекали в земляной печи.

Подношение приняли с благодарностью, а я, завидев немилосердное солнце, не смогла продолжить побег в прохладу шатра - залюбовалась рассветом. Пронзительно синее небо, по которому чинно проплывают редкие облака, стремительно светлеет, становится еще ярче, расцвечивается в разные оценки фиолетового и красного, стоит солнечному свету коснуться облака. Высохший за три недели страшного солнцепека, ковыль шуршит, пригибаясь от заигрывающего ветра, обещающего прохладу и так отчаянно не справляющегося с этим. Гладь озера едва-едва морщится от слабого ветра, даже сейчас, когда лишь половина солнечного диска показалась из-за горизонта, видно испарину от мельчающего озера. Кажется, что оно буквально на глазах испаряется, не успевая пополняться от холодных источников, питавших его.

Будто замороженная, я сделала шаг к воде, борясь с желанием погрузиться в прохладную воду, и вдруг увидела проблеск неподалеку от центра озера. Решила, что это блик воды, но нет - что-то выглядывало.

Я не умею плавать, воду в таком объеме впервые увидела здесь, а озеро из-за источников однозначно было опасной территорией, куда заходить запрещалось. Я все прекрасно понимаю. Но тело, двигалось будто против разума: скинула мягкие тапки и медленно вошла в воду. Сейчас она не была ледяной, как в большую часть года, так что заходить было

легко. Оказалось, что прямо у места, где я вошла, обрыв - ушла под воду. Но не остановилась. Неуверенно, повторяя подсмотренные у соплеменников движения, я двигалась по воде к самой середине озера. Солнце уже взошло полностью, стало заметно припекать спину и голову, намокшее платье тянуло вниз. Я выбилась из сил, но упорно двигалась к самой середине озера, даже не понимая толком, что мне там понадобилось.

Когда силы практически оставили, и я всерьез собралась сдаться, нога провалилась под воду и нащупала дно. Я опустилась на колени так, что лишь лицо осталось на поверхности, и какое-то время просто отдыхала. Солнце пригревало все сильнее, еще чуть-чуть - и начнет обжигать. Пока я плыла, кажется, уровень воды снова упал: из-под воды показалась какая-то палка с металлическим отблеском. Я прошлась по ней руками и нашла несколько веток, отходящих от основного ствола, а сама палка уходила в землю. Раскапывание илистого песка помогло найти корни.

Верхние слои воды стремительно нагревались, кожа краснела и горела огнем, а сил, чтобы добираться обратно, уже не было.

Прошептав привычный заговор, оказалась целиком под водой. Неприятные ощущения на обожженной коже тут же улетучились, осталось только горячее желание оказаться на берегу, куда только предстояло доплыть. Миг - и я несусь сквозь толщу воды, зажимая в кулаке небольшой обломок

своей находки. Вода вынесла меня на горячий песок, чтобы я тут же почувствовала, как сильные руки мужа подхватывают меня и уносят в спасительную тень шатра, не успев даже толком удивиться произошедшему.

- Что такого тебе понадобилось в середине озера, Мира-са? - с неподдельным интересом спросил муж - я таким его никогда не видела и, несмотря на измотанность, заподозрила гадость, - пошла топиться от собственной женской несостоятельности?

Сохранить лицо оказалось просто невозможно, я задохнулась от накатившего гнева, и в углу полыхнула ароматическая палочка, мгновенно выгоревшая до пепла.

- Мою несостоятельность? - глухо прошипела я.

- Не я же не могу забеременеть уже несколько месяцев? - койотом фыркнул Нирам, я прикрыла глаза и медленно выдохнула.

- Подумай-ка вот о чем, дорогой супруг, - звенящим голосом начала я, мужа передернуло - ненавидел, когда я называла его супругом. - За все годы, что ты был вождем и пытался жениться, ты переимел не одно племя, и ни одного кричащего маленького Нирама на свет не появилось.

Его лицо окаменело. Я не хотела продолжать бесконечную ссору. Но как вообще в его голове могла образоваться такая взаимосвязь?! Получается, он просто стоял и наблюдал, как я плыву в середину озера, остаюсь там какое-то время и погружаюсь под воду?! Оказалось, что вся моя аккуратность в

словах и попытка не нарываться на конфликт лишней раз, надежды изыскать способ выяснить в ком проблема, и как ее решить - никому ничего этого не нужно. Это я играю в семью. Таковую, какой показала мне ее Ляся. А Нирам вообще ни о чем подобном не думает! Конечно! Он же непогрешим!

Я вышла из шатра и отправилась в холодильный, прихватив с собой Вигу. Жары даже не почувствовала, хотя уже в укрытии нашла пару ожогов и с самым злобным настроением излечила их. Вода и ветер поддерживали меня в этой злости: внутри шатра образовался маленький ураган.

Маленькая надежда на то, что я успокоюсь, растаяла вместе с прошедшим днем. С наступлением ночи Вига заглянула и наткнулась на мой злобный вид.

- Вига, - я резко окликнула перепуганную девушку, - сообщите всем женщинам старше шестнадцати: я возвращаю им всем допуск до постели вождя. Хоть вместе, хоть по отдельности - пусть сам решает. Мне сегодня же поставить отдельный шатер, - я сообщила ей и решительно вышла на горячий песок.

Сразу стало тяжелее дышать, но я пошла пройтись. Снова к воде.

Место, где я побывала утром, стало еще заметнее. Теперь оно выглядело как небольшой остров, на котором росло неизвестное дерево. Матово-серое, будто металлическое, совсем невысокое и не раскидистое и, главное, без единого листочка.

В кармане шаровар, неприятно похрустывающих после озера, покоился обломок ветки размером с большой палец. Отсюда не было видно место слома, но я точно знаю, где оно должно быть.

Пока я рассматривала дерево, сумерки сгустились. В голове было пусто и гулко. Мой шатер всю собирали, женщины начинали готовить, и сегодня я не собираюсь к ним присоединяться.

Солнце совсем скрылось, но прохлада была нам неведома: нагретая за день земля охотно отдавала тепло. Мой шатер был готов, и Вига споро переносила туда мои вещи, не рискуя поднять взгляд на вождя. Он был в бешенстве, так что все старались не попадаться ему на глаза.

Я тоже была далека от благостного расположения духа, так что его злой взгляд встретила ответным, не менее ледяным.

Служанка сообщила, что шатер готов, и я отправилась за ней, расправив плечи, будто копьё проглотила. Моя мама часто говорила, что прямая спина способна выразить больше негодования, чем громкие крики. Сейчас вспомнилось, что под конец жизни она часто так же уходила с прямой спиной от мужа, не желая продолжать разговор. Я, как и все племя, думала, что она плохо себя чувствует, и поэтому почти не выходит из шатра, и даже путешествовать предпочитает в закрытой повозке, а теперь думаю, какие проблемы были у них. У мамы ведь не было подруги из другого мира, которая знает обо всем на свете, кроме визовства?

В шатре, таком же как все жилые, я уселась на постель, намеренно оставляя спину прямой, и уставилась в стену. Из-за спешки в ней осталась щель.

- Вернись в мой шатер, - лишь откинув полог, велел Нирам.

- Нет, - коротко ответила я, не отрываясь от созерцания шкуры.

- Ты моя жена, - зло процедил муж, - и живешь в моем шатре.

- Жена, да, - ровно согласилась я, - с этим спорить невозможно. Но постель твою в ближайшее время будет греть кто-то другой. Выбирай любую женщину старше возраста первой зрелости.

Я старалась держать себя в руках и говорить спокойно. Даже получалось. Но было ощущение, что еще немного - и я сорвусь, начну кричать и всячески позорить образ полноценной жены.

Нирам, не желая продолжать полемику (слова такого мой личный варвар, конечно, не знал), ворвался в шатер и сдернул меня с места за руку. Плечо прошила резкая боль, из глаз брызнули слезы, а лицо взбешенного мужчины оказалось в миллиметрах от моего. Я дернулась, но стало только больнее, а вторая рука мужа медленно - выразительно так - сжалась на моем горле.

Нираму не нужно было ничего говорить, чтобы объяснить свои мысли: он был ко мне добр, не бил и интересовался са-

мочувствием. Это максимальный уровень заботы о жене, на который он был способен. Вероятнее всего, он основывался на опыте родителей. Я это понимала каким-то участком сознания. Мы в этой семье вдвоем, и я тоже была нежна, поддерживала, готовила для него отдельно и дарила невиданное ранее наслаждение в нашей постели. Мы работали над отношениями в меру своего разума, но стоило появиться действительно сложному препятствию, оказалось, что развивалась и работала над собой только я. А Нирам просто делал так, чтобы я ему не досаждала и не мешала заниматься делами племени.

Очевидное решение, наконец, нашло во мне отклик и решимость. Я уйду из племени, хочет муж или нет. Предупрежу директора о грядущих проблемах, объясню что к чему. Закончу обучение и стану, как выразилась подруга в очередном круге наших обсуждений, «интеллектуально независимой» от мужа и племени.

Пока все мысли и чувства проносились у меня в голове, муж убрал руки с горла и запястья.

- Ты вернешься к рассвету, - процедил он и вышел.
- Или что? - в тон ему бросила в открытый выход из шатра и отвернулась.

Вига, смущаясь и пряча глаза, закрыла шатер и устроилась у входа. Она ничего не сказала, но я высоко оценила такой акт поддержки.

Неожиданно вспомнились практики, которыми мы с по-

другой занимались, когда все было не настолько сложно. И впервые я сама выполнила телесную практику, которая привела мысли в порядок.

Совершенно спокойная, даже гордая собой в этот неприятный день, я разобрала постель и улеглась в нее.

Строго говоря, в Степи женщина может быть кем захочет, если сумеет отдать дань традиции и получить нужный статус. Но всегда есть «но». Чтобы получить право воина, нужно не только убить животное достаточно большое, чтобы сделать из его костей нож, но и, собственно, сделать ритуальный кинжал. Если способов умертвить кого-то довольно много, то свежевание туши, извлечение костей и создание кинжала для неподготовленного человека - задача невыполнимая, а дать совет никто из племени не захочет, даже получившие право воина женщины. Если мне все же удастся создать кинжал, это откроет мне дверь в совет племен.

Ляйсан предлагала разные варианты, но самым перспективным был тот, в котором я выхожу из состава племени и основываю свое. Технически, оно будет подчинено мужнину, но будет моим. И тут мое замужество дает свою выгоду: лучшее место для будущего города - озеро Гург, которое Нирам занимает по праву силы, и подчиненное племя может спокойно занять его, не доказывая силу другим. Или доказывая, но только самому Нираму.

Все это, конечно, при условии, что я не овдовею до окон-

чания обучения.

Невероятно печально то, что большинство взрослых степняков понимали, что времена изменились, и мы безнадежно отстали от соседних стран, но победить старые порядки, оставаясь разрозненными, мы не сможем. Уверена, что стоит мне заявить основание постоянного города, многие предпочтут оставить кочевой образ жизни и присоединиться к моему племени добровольно. Или вовсе выйти из состава племен и стать человеком Степи.

И тут тоже есть «но». Я слишком молода. Допустим, что Ляся права, и за молодыми прогресс и будущее. Мне пятнадцать. Тогда десять лет учебы в гимназии могут сослужить хорошую службу: я не погрязну в дразгах, взгляд не замылится, а планы окончательно оформятся, приобретут детализированность, и появится понимание о возможностях воплощения их в жизнь.

Этой ночью мы с Ляйсан не увиделись - я прометалась в судорожных мыслях и уснула растревоженная.

Утро началось с того что, краснея и заикаясь, Вига рассказала, что меня лишили еды за отказ от выполнения обязанностей полноценной жены. Я кивнула и взяла в руки вышивание. На деревянных распорках был растянут белый хлопок с наброском. Вышивать меня тоже учила Ляся: подсеялась ко мне в тело, брала контроль и показывала, как делать стежки или исправлять погрешности, потом я повторяла.

Сейчас была готова примерно треть будущего вида самой северной части Степи, где раскинулось огромное разнотравье. Я так хотела показать места, откуда я родом наперснице, и она предложила вариант ко всеобщей пользе: и руки занять, и навык к мелкой работе развить, и место показать таким, как я его вижу. Нитки и полотно мы купили в городе, и я долго не понимала, зачем так много. Теперь, изведя почти половину - поняла.

- Мираса, может быть отдать мой ужин? - робко предложила Вига, - ты же полноправная жена и можешь приказать женщинам накормить тебя.

- Нет, Вига, я не буду впутывать все племя в наши с мужем разборки, - мой голос звучал удивительно спокойно, - но если ты принесешь мне воды или травяного настоя - буду признательна.

Озеро Гург было прекрасным во всех отношениях, кроме одного: в нем не водилось рыбы. Охотиться на земле я не умела и даже общими основами этого искусства не владела. Степь, особенно сейчас, не была щедра на съедобные растения, а значит нужно что-то решить с мужем. На попятные я не пойду и в шатер не вернусь, так что либо я обнаглею и просто возьму себе еды в холодном шатре, либо найду способ не разорять племя на две порции еды в день. Воинственность - ощущение новое, мне пока нравилась. Через примерно пятнадцать минут вернулась озадаченная служанка, заметно растерявшая свою кротость. На подносе стоял

кувшин, а остального мне видно не было.

- Я клянусь, ни у кого ничего не просила, - сразу протарила она и поставила поднос на низкий столик.

- Это что?

- Все женщины, которые уйдут после пекла, отдали часть своей еды. Вождь в ярости запретил и им есть из общего котла, но получил три вызова на поединок - отцы не захотели морить дочерей голодом.

Вызовы - это плохо. Если Нирама победят, племя может распасться, и я потеряю власть над женщинами этого племени, а значит, не смогу принудить их учиться, а собрать собственное племя без права воина невозможно по неписанным законам Степи.

Выпила отвара с подноса и поспешила к кострищу. Нирам уже стоял набыченный, готовился отражать атаки двоих соплеменников. Вокруг площади собралось все племя, многие прятались между шатрами, но все равно силились посмотреть. К стоянке в пекло подтянулись действительно все члены племени, и мне показалось, что я снова в человеческой столице - такая была толпа.

- Женщинам вернуться в шатры до утра, - приказала я, выйдя к самому кострищу - почти на поле назревающего боя.

Муж не спешил поддержать мою идею разогнать толпу, но даже просить чужих мужчин о чем-то я сейчас не могла. Послышался ропот, но спорить со мной не посмели.

- Прежде, чем вы попытаетесь победить вашего вождя, -

привлекла я внимание мужчин, - поясните полноправной и полноценной жене, за что именно вы хотите сразиться.

- Он лишил наших дочерей еды! - прорычал один из потенциальных нападающих.

- Тогда расходитесь, - фыркнула как можно пренебрежительнее я. - В племени есть полноправная жена вождя, а значит, лишить женщину еды могу только я. Вождь не обращался ко мне с просьбой о наказании, и я никаких решений на этот счет не принимала.

Напряжение, разлитое в воздухе, на мгновение стало только гуще. Страх затопил сознание, но я очень старалась сдержаться и лишь поджала губы. Наконец, нападающие опустили руки и сделали шаг назад, признавая поражение. Нирам не хотел сдавать позиции, хотел развить конфликт и победить врагов, чтобы упрочить статус воина. Но я ясно видела: если не остановится, то не сумеет восстановить авторитет.

- Нирам, удели мне время, - попросила тихо я, чинно, как виденные в королевстве люди, сложив руки на животе.

Муж несколько секунд не шевелился, будто окаменел, но все же расправил плечи и подошел ко мне. Вчерашний синяк заболел, словно Нирам опять схватил меня. Избавившись от наваждения, я молча пошла в сторону его шатра.

- Зачем ты вмешалась? - уже у порога отрывисто спросил он.

- Слишком многое на кону, чтобы ты бессмысленно все разрушил, - честно ответила я, не желая вдаваться в подроб-

ности.

Тот молча откинул полог, и я даже замешкалась, но не стала проходить. Сегодня его постель согреть не мне.

Ушла к себе, и сегодня меня никто не задерживал.

Глава 6

Запрет на еду закончился в тот же день. Женщины стали звать меня «мудрой юной женой вождя».

С Ляйсан мы увиделись только через ночь после всех событий. Я вздохнула, как если бы снова пережила все это, рассказала ей обо всем случившемся и поделилась обрывочными рассуждениями.

Впервые за все время нашего знакомства подруга просто меня поддержала. Не дала совет, не предложила другие варианты развития событий, а просто похвалила за мои решения и даже выразила некоторую гордость.

Под конец мне показалось, что ее душа стала бледнее. На мои опасения она сказала, что, скорее всего, все мои усилия по ее лечению напрасны, и тело окончательно умирает. Это выбило меня из колеи настолько, что сразу выбросило из сна.

Я проснулась, хватая ртом воздух, а как только отдышалась, погрузилась в апатию. Почти как до встречи с Лясей. До самого конца пекла я просидела в своем шатре, непонятно зачем торопясь закончить вышивку.

Весь путь до города прошел однообразно, я почти не общалась с соплеменниками и много спала - все пыталась попасть к Лясе, даже не понимая, как именно это работает.

К месту стоянки у города мы пришли ночью. Я просила не ставить мне шатер. Как бы я не относилась к мужу и его ре-

шениям, обязанности свои выполнять я должна, тем более, что вот-вот покину племя на десять лет.

Нирам сегодня был особенно груб и бескомпромиссен. Несколько раз за ночь, стоило мне забыться тревожной дремотой, он доказывал свою практически безграничную власть надо мной, и я не пыталась смягчить его, лишь просила дать мне чуть-чуть времени, чтобы прийти в себя и залечить повреждения.

Но эта же ночь показала мне, что я поторопилась с выводами: он не только давал мне несколько часов отдыха, но и словно баюкал меня, не выпуская из рук ни на миг, будто ему и самому были неприятны эти порывы, и так он старался загладить воспоминания о них.

Утро настало до неприятного быстро. Не спрашивая разрешения, я собралась «проводить» тех, кто остается на обучение. Всю дорогу до города продремала в седле.

В город приехали к вечеру, и, никуда не сворачивая, отправились в гимназию. Там нас без вопросов пропустили, и, убедившись, что соплеменники попали в свои комнаты, я сразу отправилась к директору. Ляся объясняла, что если контракт подписан ей, то и ответственность за все несет она. А значит со своими проблемами, да еще и такого рода, обращаться нужно напрямую.

Секретарь сказал, что директор Надср у себя, работает с заместителем. Попросил подождать в приемной. Он не вы-

разил ни недовольства моим запыленным внешним видом, ни неуместности визита без предупреждения, просто попросил подождать, едва я представилась.

Сильнее всего я боялась показаться неуместной. Я не знала ни единого случая, когда степняки оседали в городах, и, казалось, старшие соплеменницы могут оказаться правы: все, совершенно каждый человек в королевстве, смотрит на нас как на грязных дикарей.

- Проходи, - позвал секретарь.

Я тряхнула головой, прогоняя волнение от того, что иду жаловаться на свои проблемы к человеку, у которого есть секретарь. Но это не помогло, и я еще больше взвилась.

- Доброго дня, директор Надср, - поздоровалась я, стараюсь вести себя на манер горожанок.

- Проходи, Мираса, - она указала рукой на стул, улыбаясь так же устало, как и в первый день нашего знакомства, - это заместитель директора Шон и преподаватель Шарц. Чему обязаны?

- Меня привели к тебе проблемы личного характера, - эту фразу на всеобщем я проговаривала уже не одну сотню раз.

- Чисто говоришь для степнячки, - влез преподаватель - гном средних лет с лицом, целиком закрытым бородой, только глаза торчат.

- Ты тоже, для того, кто только что вылез из-под горы, - я пыталась сбросить напряжение, срываясь с одного наречия на другое.

Заместитель директора - приятный глазу мужчина, на лице которого едва начало проявляться старение в виде улыбочивых морщинок вокруг пронзительно зеленых глаз, - усмехнулся и отпустил колкость:

- Хотя кто-то тебе отвечает, Вернодор.

Насмешку я не поняла, но по интонации - точно она. Что-то не понимать в такой нервной ситуации - очень неприятно.

- Коллеги, ведите себя подобающе, или выгоню отсюда обоих, - холодно оборвала начинающуюся перепалку директор. - Так что случилось?

- Директор Надср, я ушла из племени против воли моего мужа, - начала я, рвано выдохнув. От волнения слова на всем общем подбирались с трудом, - и он может прислать кого-то из мужчин племени или приехать сам.

- И забрать?.. - вопросительно протянул заместитель.

- Только меня. Мужчины получили разрешение, чтобы учиться здесь, а женщины от меня. На отмену собственного приказа он не пойдет, слишком он... - я замялась, пытаюсь подобрать подходящее слово.

- Степняк, - участливо подсказал заместитель директора Шон.

Я судорожно кивнула. От меня явно ожидали пояснений.

- Мне необходимо образование, - пришлось постараться, чтобы собраться с мыслями, - и я прошу не позволить меня забрать.

- Да я-то не позволю, а в племя ты как вернешься? -

незлбно усмехнулась директор Надср.

- Это мои трудности, - кротно опуств взгяд, ответила я.

«Когда ты в подчиненном положении, умеь вовремя опуствть глаза, или тебя раздавят. Все равно будет по-твоему, но мужчины всегда недооценивают нас», - напутствовала меня самая старая женщина родного племени после смерти мамы. Она ушла в Великую степь за мужем, сама была уроженкой королевства и визом с проявленным огнем.

Как только старуха узнала, что меня передадут женой вождя в племя Нирама, стала выдавать мне каждый день по такой вот мудрости, большую часть я до сих пор не поняла, но время от времени со мной случались озарения.

- Что ж, хорошо, - спокойно согласилась директор, - я не передам тебя мужу, как и предписывает контракт. Спасибо за предупреждение.

Мне показалось, прошла целая вечность, прежде чем я поняла, что могу идти. Вопросов и советов не будет. Я так привыкла, что если идешь к старшему со своими проблемами, всегда говорят долгое наставление. Даже Ляся - любительница поучительных историй, хоть и рассказывала их много интереснее других советчиков.

Заместитель директора Шон ободряюще улыбнулся, и я пошла в общежитие.

По дороге ко мне подошла кошка. Они тут встречались очень часто, а я не сразу поняла кто это, когда мы приходили

с Лясей узнавать условия.

Очень красивая кошка с песчаного цвета шерстью и ярко-желтыми, как яичные сердцевины, глазами. Потерлась о ноги, настойчиво потребовала ласки, а потом и вовсе по брючине попыталась забраться на руки. Я сама ее подхватила и постояла какое-то время у окна, глядя на внутренний двор и мысленно прощаясь со всем, что было знакомо и понятно.

Смятенная, я отправилась к себе, оставив кошку на подоконнике у места нашей встречи. Но животное все решило по-своему и отправилось за мной. Прошла в едва открывшуюся дверь и безошибочно отправилась в мою спальню. Двери соседок были закрыты, и ни звука от них не доносилось.

Я скинула пыльную одежду и достала ночную сорочку, которую мне выдали еще в прошлый визит, но меня прервал протяжный трубный звук, видимо, заменявшей новой знакомой мяуканье. Мельком погладив кошку, хотела было вернуться к своему занятию, но она снова издала этот звук.

- Что ты хочешь? - удивленно спросила ее на степном наречии.

Кошка прыгнула с кровати и пошла на выход, проверяя, наблюдаю ли я за ней. Я наблюдала, но ничего не понимала. Она села у двери и посмотрела на меня. Стоило попытаться надеть сорочку, снова мяукнула и поцарапала дверь лапой. Ничего не понимая, отложила сорочку и открыла ей дверь. Та вышла, но стоило мне дверь закрыть, опять издала звук. Я

неуверенно сделала шаг из комнаты, и кошка тут же отправилась дальше, пересекая общую комнату к небольшому отвороту, за которым скрывалась уборная. И снова постоянно оглядывалась, проверяя, иду ли я. Открыла поцарапанную дверь и обернулась, чтобы увидеть, как кошка демонстративно развалилась посреди прохода. И тут, наконец, я вспомнила: когда мы подписывали контракт, небольшие человечки говорили, что принимать душ обязательно для всех каждый вечер и за этим будут следить.

- Так это ты следишь, чтобы все мылись? - удивилась я. - А как же помощники?

Кошка положила голову на пол и закрыла глаза лапой. Я пожалала плечами и отправилась в душ. Наверняка, Ляйсан права, и вопросы, мучающие меня и мой народ, уже давно решены в королевстве.

Вода безо всяких наговоров залечила меня, и, как в первый раз, долго перетекала, даря усталым мышцам облегчение и отдых. Наконец, глубокой ночью я отправилась спать. Перед сном во всех подробностях вспоминала Ляйсан, ее лицо и мимику, в надежде, что удастся попасть к ее телу. Тщетно.

Глава 7

Утром мы с кошкой нашли в общей комнате мою соседку - Люсиль. Она же просветила меня на счет кошки.

- Это охороница, она будет помогать тебе разобраться с визовством, - мягко проговорила она. - Вообще-то ее надо накормить, чтобы принять помощь, но во время обучения в гимназии достаточно просто выбрать ей имя.

Ничего не поняла, но посмотрела на свою, как оказалось, песочную красавицу и выдала:

- Тогда ты у меня Дониса, - соседка удивилась, пришлось пояснить, - так на степном наречии называют дюну прямо перед оазисом. Это сходится и с моей жизнью: Степь я прошла, и вот-вот должен показаться оазис.

- Ты была в Степи? - удивилась брюнетка. - Я думала, степняки никому не дают хода на свои земли - король пытался, мне брат рассказывал.

- Мне сложно, как ты сказала? Не дать хода, - хмыкнула в ответ, - я - степнячка.

Люсиль замерла, недоверчиво глядя на меня.

- И знаешь всеобщий? - она выдержала полуминутную паузу.

- Хорошее образование, - сдержанно ответила я.

- Неожиданно.

- А ты благородная? - сказала и замерла сама. Это непри-

личный вопрос, мне Ляйсан говорила.

Видимо, смятение было настолько заметно, что девушка усмехнулась.

- Незаконнорожденная дочь благородного, - произнесла она медленно, тщательно отслеживая мою реакцию, - меня оставили при семье, потом дали позволение отправиться сюда, - что ответить, я не знала, так что просто кивнула.

Мы собрались на завтрак, за дверью обнаружились мои подопечные в полном составе. Люсиль и ее охороница убежали вперед, чтобы мы могли все обсудить.

- Ой какая киса! - с восторгом пропищала самая младшая из соплеменниц, пытаясь погладить уходящую от рук кошку. Я подняла ее на руки, стараясь понять, что здесь происходит.

- Мы хотели вместе позавтракать, - пояснил Крер, старший из мужчин, - тут другие порядки, и хотя бы первое время стоит держаться вместе.

Вига говорила, что он всегда был серьезным. Сердце неприятно сжалось - девушка осталась в племени, я ничего ей не сказала.

- Да, ты прав.

- Полноправная жена вождя, мы можем отправиться завтракать? - скромно потупив взор, спросила Кагира - дочь шамана.

- Здесь другие порядки, как заметил Крер, - постаралась придать себе спокойствия и серьезности, - так что давайте обращаться друг к другу по именам, - на лицах многих про-

ступило серьезное замешательство, - я - Мираса.

Остальные вразнобой проговорили свои имена. Не знала бы заранее, ни за что бы не запомнила.

- Идем? - предложила я и развернулась в сторону лестницы. Возражать никто не стал.

По пути к нескольким из нас подошли другие кошки и я пересказала все, что знала - помощник, ему надо дать имя.

К столовой мы подошли в составе семнадцати ртов, и я по привычке посчитала нужные порции, прикидывая, какой объем нужен кошке в сутки. Только подойдя к раздаче сообщила, что тут к кормлению племени я отношения не имею, и улыбнулась этим подсчетам.

Народу в столовой было не в пример больше, чем в прошлый наш визит. Многие соплеменники с удивлением смотрели на такую толпу.

Мы получили подносы с едой и отправились занимать места за большим столом. Те, у кого уже были охороницы, получили дополнительную двойную миску с мясом и водой, а питомицы, очевидно, сами все знали и принялись есть рядом с тарелками студиозов. Только моя потребовала спустить ей миску на лавку перед столом. На это окружающие поглядывали неодобрительно.

- Полноп... - начала Вескара - самая красивая женщина племени, но осеклась под моим взглядом, - Мираса, - я вернула себе спокойное выражение и она уже смелее продолжила. - Я хотела сказать, что мы все восхищены твоим поступ-

ком... - я удивленно повернулась к ней, и девушка снова ступала. - Ну... у кострища, когда ты не дала нам умереть от голода.

- Мне отец рассказал, а я остальным по дороге сюда, - пояснила мое недоумение любимая дочь солнца и своего отца Кагира.

- И что же в этом поступке восхитительного? - уточнила я, начиная заводиться.

- Ты вступилась и не дала состояться поединку... - еще менее уверенно проямлила девушка.

- Вескара, ты понимаешь, что там произошло? - конечно, не понимает и не должна - так устроены племена. - Чудо, что мужчины не забили меня камнями за вмешательство в их разборки.

- Ты - полноправная и полноценная жена, и ничего такого бы не было, - возразил Крер.

Я не стала отвечать, постаравшись вложить все, что я об этом думаю, в выражение лица. Видимо, удалось, и каждый припомнил случай, когда «все было» за такое поведение же не вождя без права воина.

- Значит вождь тебя очень любит, - уверенно проговорила Вескара, отвечать на это я тоже не стала, только неопределенно улыбнулась.

После завтрака мы, по совету соседей соплеменников, отправились за расписанием. До начала занятий было два дня,

и Кагире сказали, что лучше успеть в библиотеку до того, как заселятся городские первокурсники.

В библиотеке нас встретила почти квадратная довольно высокая гномка, которая сходу определила в нас новеньких.

- Думала, врут, когда бают, что даже степняки в нашу славную гимназию пришли, - хмыкнула она, выдавая нам листы с учебной программой.

Я тихонько показала всем, что помогу все прочитать, если нужно. Крер независимо дернул плечом, остальные - заметно расслабились. Судя по расписаниям, директор учла мою просьбу и не только расселила нас по разным комнатам, но и определила по разным группам.

Всем выдали одинаковые наборы книг, и мы зависли около большого стола, благоговейно поглаживая корешки. Мне о книгах рассказывала Ляся, а я - тем соплеменникам, которые были готовы послушать. Ни в моем родном племени, ни в племени мужа такой роскоши не было. А тут - просто дали на год попользоваться. Огромную стопку!

Когда мы успокоились, договорились: дни до начала занятий тратим на изучение гимназии и знакомства. Гномка смотрела на нас с рабочего места с некоторой теплотой и пониманием, хотя говорили мы на привычном степном наречии: я не хотела смущать тех, кто не очень уверенно говорил на всеобщем.

Пока я не просвещала соплеменников о планах на их будущее - ждала, когда все привыкнут к учебе и новому поло-

жению. Восторг от происходящего на лицах подопечных казался мне важнее планов на далекое будущее, которое только наступит после выпуска.

После импровизированного совета я отправилась осмотреться. Дониса без устали ходила везде со мной, периодически направляя меня в нужную сторону. Чем она руководствовалась - не знаю, но в итоге я увидела огромную трибуну с песчаным полем внутри, целый скотный двор, густо населенный разнообразной со множеством хитрых на вид устройств для ухода за ними, огромную конюшню, где разместили наших лошадей, мулов и осликов в компанию к гимназийским.

Меня поразили огромный огород, и, как рассказал встреченный помощник, заметивший мой восторг, за стеной замка на территории гимназии, есть не менее впечатляющие поля.

Прекрасный сад, воссоздающий разные виды королевства: небольшая сопка, степь, разные леса, заставил задуматься. О таком сложном устройстве, как в замке, явно думали не один год. Получается, и мне стоит начать планирование? Как предлагала Ляся - поэтапно, от небольшого поселения до целой столицы Степи?

Внутри замок был по-настоящему огромным, я даже не представляла, что что-то подобное можно построить! Чтобы обойти его по кругу, потребуется несколько часов размеренным шагом идти без смены этажа.

На моей импровизированной экскурсии мне попалась огромная пустая зала с зеркалами намного выше меня. Свет погасили, он долетал только из окон и переливающейся всеми цветами лестницы, настолько широкой, что все наше племя, казалось, встав на ней в ряд, сумеет не особенно плотно поместиться на одной-единственной ступеньке. Стоило подойти ближе, как обломок дерева из озера Гург нагрелся, а ступени засияли чуть-чуть ярче.

- Нравится? - послышался позади голос, и следом шаги.

Неужели я так увлеклась лестницей, что не услышала, как кто-то вошел?

- Очень, - призналась я очень тихо, боясь упустить момент.

- Мое лучшее творение, - подошла директор Надср, - правда, до сих пор не знаю, что именно я сделала, когда возводила замок.

- Ты - сама? - удивление перебило-таки чувство прекрасного.

- Это сложно объяснить, - призналась она, - их величества поручили мне образование молодых людей и нелюдей, а для этого требовался замок. Мы долго спорили и придумывали, как и что будет, а потом я пришла на это самое место и выразила стихиям свою волю, которую они исполнили в точности - создали этот замок.

- Так это все ты? - глупо переспросила я.

- Об этом чуде ты узнаешь во время занятий, - усмехну-

лась директор, - что двинуло тебя сюда? - сложный вопрос.

- Планы на будущее, - нашлась с наиболее ничего не значащем ответом я.

- Приходи, когда понадобится помощь с этими планами, - снова усмехнулась она и ушла, шурша лиловым платьем.

Я еще немного полюбовалась лестницей и пошла дальше. Кошка вела меня вперед и только вперед по только ей известному маршруту, показывая разные комнаты от некоторых оберегая и не позволяя попасть внутрь.

День закончился плотным ужином, так похожим на то, что готовила Ляйсан, и крепким сном.

Оставшееся до начала учебы время пролетело незаметно. Дониса без усталости водила меня по замку, показывала интересные скрытые от посторонних взглядов места. Лайса - соседка из благородных людей - со мной не общалась, а вот Люсиль с удовольствием рассказывала, как она сама привыкала к новому, когда пришла сюда учиться. Зитка оказалась нелюдимой тихоней, не расстающейся со своим рецептурным блокнотом. Пытаясь наладить контакт, я согласилась стать ее моделью-испытателем (после того, как она пояснила, что это значит). Когда об этом узнала Люсиль, она долго смеялась и сочувствовала мне, хотя я так и не поняла, почему. Однажды утром, за пару дней до начала занятий я увидела Зитку, когда та только проснулась и была просто поражена: казалось, совершенно разные люди. Усмехнувшись моему открытому рту, она выдала самый длинный монолог

за наше краткое знакомство, показывая средства, которыми пользуется, и как их наносить.

Виона же оказалась мягкой и общительной девушкой. На фоне Лайсы и Люсиль смотрелась даже блекло, но, как заметили мои знакомые, из других блоков, в ней было свое очарование.

С замиранием сердца я ждала, когда заявится кто-то из племени, но никто так и не пришел. Совершенно не верила в то, что Нирам взял и отступился. Так что чем дольше он не приходил, тем больше я нервничала. В последний день перед началом занятий даже пошла к директору Надср, чтобы узнать, не забыли ли мне сообщить о визите.

Оказалось, не забыли, а целенаправленно умолчали, что каждый день в гимназию приходят представители племени и требуют вернуть меня на место. «Пока что их нападки удастся легко отбить, посмотрим, что будет дальше», - сказала директор, поставив меня в тупик. Для меня любые нападки мужчин племени - невозможная задача, а Литта Надср говорила о них спокойно, даже весело. Меня это не успокоило, но буквально на следующий день переживать об этом не осталось времени.

- Светлого дня, студиясы, - в комнату, где сидели все принятые в этом году ученики, вошла женщина без определенного возраста - на голове туго затянут гладкий пучок из платиновых волос, в строгом темно-синем платье с белым воротником. - Я преподаватель башни общих наук Элинта

Майнкес, вы можете называть меня преподаватель Майнкес. В ближайшие два года мы с вами будем учиться письму и чтению. Среди вас, возможно, уже есть те, кто знаком с темами первых занятий, так что вы просто освежите знания, - она замолчала на мгновение, - начнем с начала. Алфавит.

На распорке с тремя «ногами» нашелся огромный лист с буквами, с которых и начался рассказ преподавателя Майнкес и так у нее интересно выходило, что я не заметила, как пролетели два часа урока. Кто-то откровенно зевал под конец, но большинство, как и я, с удовольствием слушали и запоминали. Под конец нам выдали разлинованные листы в качестве задания для самостоятельного выполнения и велели к завтрашнему дню повторить все фигуры, нарисованные в начале строки.

Следующим занятием был счет, где мне удалось блеснуть и снова вознести мысленную хвалу Лясе: я уже умела все, чему учили сегодня. Преподаватель Делон остался доволен, а соплеменники долго удивлялись, как легко мне это дается.

Последним был контроль над стихиями. Пугающе высокая коротко стриженная женщина с приглушенно-рыжими волосами и огромными карими глазами говорила сухо, рублено, и понимать ее было гораздо сложнее. Я успела порадоваться тому, что если и не очень хорошо говорю на всеобщем, то прилично воспринимаю на слух. Оказалось, это предыдущие преподаватели щадили наши пустые головы и говорили медленно, поясняя непонятные слова. А вот гос-

пожа Ивиут щадить степняков не собиралась. Она говорила: раз уж мы не можем записывать, слушать должны очень внимательно.

Оказалось, что каждый человек - виз и может постичь обращение со стихиями. Боги придумали сложную систему контроля и ограничений для молодых людей, пока они учатся обращаться со стихиями. Поэтому сегодня те, кто имеет склонность к одной из стихий, будет совершенствовать владение ею, а остальные будут прислушиваться к себе в поисках той, что откликнется легче остальных.

Уверенным в себе предложили показать коронные умения. Когда взгляд преподавателя Ивиут уперся в меня, я растерялась. У меня в распоряжении были все стихии - что сделать-то?

Последовательно сделала четыре плотных шарика из всех четырех стихий и предъявила Ивиут.

- Интересно, - выдает преподаватель, остальные притихают, - после окончания занятия задержись, студия Нимар, - я даже поправлять ее не стала, настолько была сбита с толку.

И занятие продолжилось. Нам объяснили, как обращаться к стихиям, чтобы донести просьбу, и в оставшиеся полтора часа все были заняты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.